

18+ Владимир Тормышов

*Странные
сны Отто
Шубдца*

Владимир Тормышов

Странные сны Отто Шубдц

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42673965

ISBN 9785449691910

Аннотация

Отто Шубдц – интендант вермахта. Аристократ и раздолбай. Служака и пьяница. Иногда совершает ошибки, но лишь бог без греха. Но цена этих ошибок стоила рейху поражения. Отто Шубдц хочет мира для немцев, потому что он в принципе неплохой малый, хоть и алкоголик. Он пьет от безысходности. У него много друзей евреев, а вермахт всё время требует исполнения приказов любой ценой. И еще Отто видит странные сны... Бабы, секс, водка и пиво каждый день! Жизнь вермахта каждый день. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Владимир Тормышов	7
Странные сны Отто Шубдца	8
В парке	9
Департамент по делам депортации инопланетян.	23
Пацифист Отто Шудбц	46
Русские, медведи и шнапс	56
Билеты в Рай, Тибет и не только	66
Носки вместо перчаток	73
Небольшое отступление	83
Золотая курица	95
7 ноября	114
Рыбий корм для вермахта	120
Презервативы для армии Паулюса	131
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Странные сны

Отто Шубдца

Владимир Тормышов

© Владимир Тормышов, 2023

ISBN 978-5-4496-9191-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Странные сны
Отто Шубдца**

Владимир Тормышов

Владимир Тормышов

Странные сны Отто Шубдца

© 2017 – Владимир Тормышов

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

О книге. *В сборник вошли произведения разных лет: повести новеллы, статьи и рассказы. Жанр самый разный, фантастика, фэнтези, гротеск, юмор, сатира, история, публицистика.*

Странные сны Отто Шубдца

Повесть

В парке

Был обычный летний день 1932 года. Стояла невыносимая жара, а жена Отто Шубдц как назло уехала со своей знакомой, лесбиянкой отдыхать куда-то на природу.

Но Отто Шубдц совсем не ревновал. Во первых – не видел смысла ревновать. Во вторых, у жены были месячные, и Отто в это время воздерживался от секса. Ну и в третьих он не ревновал лесбиянок вообще, не считая это изменой.

Однако было невыносимо скучно, и очень жарко. Делать было нечего. А Шубдц будучи по своей натуре довольно социальным животным, терпеть не мог отдыхать в одиночестве.

И потому он сначала обзвонил всех своих друзей с предложением отдохнуть в его компании. И получив от всех решительный отказ, решил поехать отдыхать с блядьми.

Но все его знакомые женщины легкого поведения ему, как одна отказали. Это был просто заговор какой-то. У кого-то были дети, которые болели, у кого-то муж и дети были просто дома, кто-то ему просто не ответил по телефону. А некоторые барышни как самозабвенно ввали, что Отто их было просто скучно слушать.

Намучавшись с телефоном добрых три часа Шубдц понял, что ему остается только отдых с проститутками.

– Tut mir Leid, Mama, Sohn der deutschen. – Напел Отто Шубдц сам себе для поднятия арийского духа. – Но делать нечего, решено, я иду к проституткам.

В такую жару заниматься сексом, да еще с проститутками Шубдц, конечно, не планировал. Он презирал пользоваться даже общественным транспортом. Но вариантов больше не оставалось.

Он взял телефон, и позвонил знакомой проститутке Юлии, худенькой, небольшого роста, черненькой безгрудой немке. И договорился, что он к ней заедет.

По дороге наш герой заехал в несколько магазинов в поисках холодного шампанского. Но шампанское как назло везде было теплым. Отто весь день отчаянно не везло. Но пить теплое шампанское было выше его сил. И он зашел в пивной ресторан, выпил одну кружку холодного темного пива, что, по мнению Шубдца, говорило обо всем трагизме его ситуации. Он сел в машину, и приехал к Юлии.

Юлия была явно не в духе, голова её была немита, волосы клоками топорщились у неё на голове. Юля была немолода, ей было тридцать шесть, она была худа, как смерть, и вдобавок её руки покрывали веснушки по всей площади рук. По какой-то неведомой Отто причине, она была без макияжа, губы были не накрашены, и вообще больше барышня напоминала огородное пугало.

И тут Шубдц понял, что трахаться он с ней не хочет. Ни за деньги, ни просто так.

– Привет. – Сказала Юля.

– Hallo, zufriedenen! – Поприветствовал её Отто Шубдц.

– Трахаться пойдём? Поинтересовалась Юлия.

– Ни в коем случае, zufrieden, – Ответил Отто Шубдц, быстро соображая на ходу, как бы поизворотливее мотивировать свой отказ. – Я жене не изменяю!

– Это что-то новенькое. – Удивилась проститутка. – А чего тогда приехал? Весь такой хороший, и недоступный, словно кайзер на параде.

– Чего приехал? Чего приехал? – Отто Шубдц и сам не знал чего он приехал. Нет, когда он уезжал из дома, он точно знал, зачем ехал. Но приехав, понял, что планы его изменились. Но сказать он так не мог. Как ни крути, но Шубдц был аристократом, и женщин не обижал. – Соскучился, вот и приехал.

Оба знали, что это ложь. Но оба промолчали. Зависла пауза. Пауза тянулась больше минуты, и стала какой-то уж слишком навязчивой.

– А пошли в парк погуляем? – Наконец выдавил Шубдц первое, что пришло ему в голову.

– А пошли. – Легко согласилась проститутка. – А то я просто так уже давно ни с кем не гуляла. Ты давай посиди в пивнице напротив, а я пока губки накрасю, оденусь, и вообще приведу себя в божеский вид.

– Gut, das Licht meiner Augen. – Ответил Отто. – буду ждать тебя.

И Отто Шубдц больше часа просидел в ближайшей пивнице, потягивая холодное пиво, слушая разговоры местных аборигенов о футболе, Гитлере и политике. Наконец, яви-

лась Юля, вся воздушная и накрашенная.

– Пошли? – Спросила она.

– Ага, – ответил Отто Шубдц, – только пиво допью.

Отто допил пиво, расплатился, и они пошли гулять.

Стояла прекрасная июльская погода, какая часто бывала в Германии в это время года. Светило солнце, вокруг все было зеленое...

Ходили мимо них прохожие, сновали дети. Отто Шубдц шел, и просто отдыхал. Ему было просто хорошо. Хорошо не по какой-то там дурацкой причине. А просто хорошо, потому что он жив, а вокруг светло и хорошо. И делать ничего не надо. И он шел, и наслаждался счастьем.

Ведь счастье это просто отсутствие несчастья.

Наконец Отто Шубдц с подругой дошли до парка. Около бюста Густава Майера духовой оркестр играл бодрые вальсы и марши.

Играли очень даже прилично и самозабвенно. Было около пяти часов вечера, и танцующих особо не наблюдалось. Наконец один унтер, смертельно пьяный и веселый пригласил одну *die ältere Dame* танцевать.

Женщина была старше пятидесяти, весила добрых сто двадцать килограмм, при росте метр шестьдесят сантиметров. Пробивающуюся седину она закрашивал обильно хной, отчего волосы её были рыжеватыми.

Унтеру сколько лет было не понять. Малый явно страдал слабоумием, отчего рот его не закрывался в постоянной пло-

тоядной полуулыбке. Бравый вояка был на полголовы ниже, и раза в три худее дамы, с какой он пытался танцевать. При всем этом, танцевать унтер явно не умел, да и никогда, видимо, и не пытался научиться.

Пара была довольно комичной – слабоумный унтер, худой, как смерть, и дородная дама, его партнерша по танцам.

Эти их нелепые перетаптывания, сначала смешили Отто, а потом как-то быстро и резко надоели.

– Пошли на летнюю эстраду, сегодня суббота, может там будет, что поинтереснее этих танцующих бегемотов. – Предложил Отто Шубдц проститутке.

– Хорошо. – Ответила Юля, вставая, и поправляя свое платье.

Летняя эстрада была недалеко, и оттуда слышалась какая-то музыка.

Отто Шубдц с Юлей прошли по аллее, мимо фонтана с играющей ребятней. Как всегда кто-то кормил голубей, дети бегали как оглашенные и сновали около ног. Влюблен-

ные парочки бродили с полубезумными глазами, взявшись за руки. Супружеские пары мерно гуляли, оставляя после себя шлейф благополучия и спокойствия. Парк жил своей жизнью.

Наконец, они пришли к эстраде. Выступал какой-то цыганский ансамбль. Все скамейки почти были заняты, и Отто со спутницей сели на предпоследний ряд на свободные места.

Шубдцу было грустно и невесело одному дома, потому он и поехал искать общества. Не его вина, что он оказался в парке с проституткой на выступлении цыган. Изначально Отто не искал ни цыган, ни блядей. Но вот так вышло, что и те и другие появились в его жизни. Отто Шубдц какое-то время размышлял о карме, и о превратностях судьбы, потом он таки переключился на эстраду.

На эстраде творилось что-то неопишное. Такого он в своей жизни не видел никогда. Почти все цыгане были пьяные в лоскуты.

Те музыканты, что играли, привалились к стене эстрады, и время от времени по ней сползали вниз. К ним подходил, видимо, распорядитель концерта, здоровенный немец за сто килограмм, и приводил их в вертикальное положение. Так он ходил по сцене, и служил эдаким «поднимателем цыган».

На сцене открытой эстрады в произвольном порядке располагались цыганки одетые в длинные юбки, и один юноша, одетый в черные шаровары и серебристого цвета цыганскую

рубаху.

Музыканты играли явно какие-то романсы, некоторые из которых, даже Отто знал наизусть. Но петь было некому. Вокалист отсутствовал.

Просто стояли цыганки, как статуи, и махали платьями, описывая ими восьмерки в воздухе. Юноша раскидывал руки в стороны, становясь похожим на крест. Музыканты, временами падали, как озимые на эстраду, а «подниматель цыган» поднимал и ставил их на ноги. Одна молодая цыганка, явно накануне перебравшая шнапса, стала заваливаться набок, не в силах стоять вертикально. Юноша в серебряной рубаше был начеку, и вероятно, был готов к сложившейся ситуации. Он поймал на лету падающую танцовщицу, обнял её, придерживая правой рукой, а левой рукой сделал то же самое привычное движение рукой в сторону.

Отто Шубдца все это стало забавлять, и он стал смеяться, не сдерживая эмоций. В этот момент стоящая на правом конце сцены цыганка пошатнулась, видимо, персонально для неё Земля сделала немислимый кульбит. Цыганка пошатнулась, взмахнула юбками, привычно описывая восьмерку, но центр её тяжести сместился вправо, и её понесло прямо на стену, о которую танцовщица и стукнулась, издав характерный звук. Хорошо, что сама сцена было полукруглая, словно с трех сторон огорожена стенами, и это не дало цыганке вылететь со сцены. К ней подскочил бравый цыганский парнишка в серебряной рубаше, обнял падающую женщину

левой рукой, прижав её к себе для устойчивости, правой рукой цыган сделал свое единственное движение рукой в сторону, которое, по его мысли, символизировало цыганский танец, мужскую партию.

Так концерт и шел своим чередом около пяти минут, Отто Шубдц смеялся вволю, видя, как несчастные актеры пытаются устоять на ногах. Музыканты играли песни, но никто не пел, и лишь симулировал танцы. Отто терялся в догадках, сколько же выпил вокалист, если он даже выйти не может на сцену. И ждал появление певца с большим интересом.

Вероятно, артистам заплатили за выступление до начала концерта. Ну, и цыгане напились до потери сознания, но как истинные профессионалы, они решили честно отработать полученные деньги, и вышли пьяные в дупель на эстраду.

Наконец вокалист появился на сцене с микрофоном в руках. Был он в совершенно расхристанном виде. Штаны его были расстёгнуты, ремень висел где-то на яйцах. Дополнял этот костюм расстёгнутая черно-белая полосатая рубаха.

Певец, пожилой, лысый цыган, с трудом мог стоять на ногах. Его заносило то вправо, то влево, и так он бродил минут пять по сцене, не в силах остановиться. Наконец замысловатая траектория движения певца привела его к краю сцены, и он чуть не свалился с неё вниз, но был вовремя подхвачен «поднимателем цыган». Цыганки стояли и махали крыльями своих юбок, описывая восьмерки, музыканты заиграли очередной романс.

Певец занял вертикальное положение, приосанился, поднес микрофон ко рту. И застыл с открытым ртом.

– Слова, видать, бедняга забыл. – Прошептала проститутка.

Музыканты проиграли 3 куплета и 3 припева, и каждый раз певец пытался начать петь, но слова из песни не шли ему на ум. Его качало и мотало по всей эстраде, как щепку в шторм. Цыган этот был не худенький, весом за сто килограмм или больше, и около него ходили, якобы в танце «подниматель цыган» и молодой парнишка-танцор в серебряной рубашоночке.

А когда музыка закончилась, «подниматель цыган» и молодой парнишка-танцор произвели тактическое перестроение цыганок, и те сели вокруг певца, наподобие забора, чтобы его не носило по сцене, и ему было некуда идти. Юноша стал слева от вокалиста, держа его правой рукой, а «подниматель цыган» стоял справа, от певца поддерживая незадачливого исполнителя цыганских песен левой рукой. При этом два этих добрых молодца еще и пытались обыграть такое положение дела время от времени отводя свободную руку в сторону, словно давая зрителям понять, что так и задумано, а они просто так танцуют.

Заиграла новая песня, певец поднес микрофон ко рту, раскрыл рот, и не произнес ни звука.

Цыганки сидели, оба держателя певца делали бессмысленные движения руками. А певец молчал, как молчаливая

рыба, набравшая в рот воды.

Были сыграны уж 2 куплета, и 2 припева, певец пытался четыре раза вступить, но что у него не получалось.

«Подниматель цыган» наконец не выдержал, и дал коленом под зад молчаливому певцу.

– Ай, раз, два... – Прорезался голос у вокалиста.

Заиграл очередной припев, и «подниматель цыган» опять ударил коленом под зад толстого цыгана.

– Раз-два. – Сказал цыган.

Наконец нервы у «поднимателя цыган» не выдержали, и он отвесил смачную оплеуху певцу.

Отто Шубдц уже плашмя лежал под лавкой, и смеялся как умалишенный. Слезы душили его, и он не мог больше бороться со смехом. Проститутка села так, чтобы подолом своего платья закрыть Отто, от людей, которые стали оглядываться и шикать на Шубдца.

Тем временем пока народ отвлекся от сцены на Отто Шубдца, «подниматель цыган» свободной рукой ударил старого цыгана между ног со всей дури, и певец наконец запел, вступив совершенно не вовремя. Более того, он пел вокальную партию явно из другой песни. То есть музыканты играли одну песню, а певец явно пел другую.

Удар «поднимателя цыган» явно достиг своей цели, поразив тестикулы певца, певец пел согнувшись каким-то странно писклявым голосом, какой никак не вязался в дебелой фигурой исполнителя.

Отто Шубдца это добило в конце, он просто лежал на спине, и хохотал во всю мочь своих легких, эмоции переполняли его организм, и он еще умудрялся бить по очереди двумя ногами по земле.

Юля сидела сверху на лавке, распушив пелерину своего платья, делая все возможное, чтобы её спутника никто не увидел, мило улыбаясь, и стараясь всем своим видом показать, что ничего особенного не происходит.

Музыканты закончили играть песню, и, пытаясь подстроиться под певца, стали ему аккомпанировать. Старый цыган, решив, что это заиграла новая песня, а он не закончил петь предыдущую, ускорился, начав петь раза в два быстрее, за ним стали ускорять темп и музыканты. Тут певец еще ускорил свое пение, музыканты постарались его поддержать. И их совместное исполнение стало напоминать Отто охоту за зайцем, когда заяц в виде певца убегает, а собаки, в виде оркестра его пытаются догнать.

Наконец, вся эта вакханалия, видимо, совсем надоела «поднимателю цыган», тот вырвал у старого исполнителя микрофон, передал его цыганке, что-то ей сказал на ухо, а сам с танцором, стал уводить пьяного певца со сцены.

Цыганка поднялась на ноги, и запела гнусаво противным голосом явно не по-немецки. От её вокала уши Отто Шубдца попытались свернуться в трубочку, но не смогли этого сделать в силу своей не тренированности. От этого жуткого вокала мозг Отто Шубдц едва не взорвался на тысячи частей.

Он выполз из-под лавки, весь мокрый от слез, Юля подала ему платок, и Отто вытер им слезы.

– Поехали, я отвезу тебя домой, солнце. – Сказал Шубдц проститутке. – Я уже не могу больше смеяться, у меня уже живот болит.

– Поехали. – Согласилась девушка. – А то тут на нас все обращают внимание.

Отто Шубдц отвез девицу домой. Зашел в пивной ресторан и выпил пиво. День удался. Он отдохнул, и был счастлив.

А ночью ему снился странный сон.

Во сне ему снилось, что он белый медведь, и дрейфует на льдине. А за ним плывут голяком целый табор цыган, пытаясь его догнать и съесть, и орут свои дикие песни.

Департамент по делам депортации инопланетян.

Шел 1933 год. В Германии происходили грандиозные события.

Когда Аддик Гитлер пришел к власти в Германии Отто Шубдц работал в Департаменте по делам депортации инопланетян.

Работа была непыльная, но интересная. Правда, секретная. Но Шубдц понимал, что стоит ему рассказать где-то про свою работу, ему все равно не поверят. Поэтому Отто молчал, как молчаливая рыба.

До прихода Гитлера к власти, работы было немного.

Большинство иноземельцев имело дипломатический статус, и высылке не подлежало.

Время от времени происходили некие события, приводившие к депортации инопланетян, и тогда департамент делал быстро и качественно свое дело.

В остальное время Отто и сослуживцы откровенно били баклуши. Причем, делали они это очень качественно и хорошо, на работу приходили в рабочие дни в 9 утра, и уходили в 17 часов. Пятница был сокращенный день, и работали до 16 часов.

И все бы ничего. Но...

Адольф медленно, но верно прибирал все нити правления в стране к своим рукам, поэтому и в Департамент по делам депортации инопланетян он назначил нового руководителя, Артура Шульмана.

Чего ждать от нового руководителя никто не знал, но пе-

ремены были никому не нужны.

Артур был довольно высоким плотным мужчиной килограмм эдак под сто пятьдесят. Ему было около тридцати пяти лет. Рост начальника был сто восемьдесят сантиметров, и вид у него был довольно бравый.

Правда, Отто искренне сомневался, что Артур был арийски чист, хоть и состоял в НСДАП. А все дело в том, что Артур был черняв, местами кучеряв, и носил усы и бороду, как у настоящих евреев.

Но поразмыслив, Шубдц решил, что, в конце концов, это не его собачье дело, происхождение корней прямого начальника.

Артур на работе появлялся редко, что всех работавших в Департаменте по делам депортации инопланетян вполне устраивало.

Кроме Отто и Артура в Департаменте по делам депортации инопланетян работали: Михаэль Айсман, начальник отдела по утилизации инопланетян, Кирилл Шумахер, начальник отдела снабжения, и Илья Шнитке, системный администратор, отвечавший за инопланетные технологии, их работу и устойчивую связь с инопланетянами. Был еще в штате начальник транспортного отдела Серж Шайземан. Но тот был все время в разъездах то ли по делам департамента, в чем работники сильно сомневались, то ли мотался на служебном транспорте по собственным делам.

Вообще, честно говоря, работа в департаменте была

не бей лежачего, но временами интересная.

Самым интересным персонажем в конторе был сисадмин.

Илье шел двадцать первый год. Он учился в Лейпцигском университете, на работе появлялся не каждый день, и начальник ему благоволил, и все прощал.

Илья был бабник, но про свои похождения предпочитал не распространяться.

Илья был редким красавцем. Рост сто восемьдесят пять. Черные красивые волосы, которые вились волной, очаровывали женщин безотказно, и парень знал это, и пользовался всегда своей красотой. Лицо студента было красиво, как у греческого бога.

Парень был умен и скромен.

Что касается его работы, то в его ведении были все инопланетные технологии. А их было до муя. Ну и Отто еще сам не со всеми технологиями еще разобрался.

Илья же точно знал: что, откуда и куда, зачем и как это все работает и мог всю инопланетную технику настроить.

Да, иноземные партнеры поставляли Германии технологии, инопланетную технику самого разного назначения, лекарства, диагностическое оборудование для больниц и лабораторий, ну и самые разнообразные материалы и реагенты.

Но это был госсекрет.

Германия контактировала с инопланетными цивилизациями давно. Но это большой секрет, и все в департаменте про это, конечно, знали, но никому не говорили, ни женам, ни

бабам, никому.

Что конкретно давала инопланетянам Германия, было для сотрудников Департамента по делам депортации инопланетян тоже секретом. Да это и не их дело. У них были свои функции, и свои обязанности, которые они доблестно выполняли.

Департамент по делам депортации инопланетян официально занимался, как ясно из названия, высылкой жителей разных миров из Германии в частности. Так и вообще с планеты Земля.

Был под Лейпцигом секретный космодром, на который и приземлялись инопланетные корабли.

Большие межпланетные корабли, как правило, оставались на далекой околоземной орбите, а в Лейпциг прилетали спускаемые аппараты поменьше, которые доставляли инопланетян и грузы на Землю.

Все так все и было до назначения Шульмана начальником.

Все было чинно, спокойно. Работа кипела, но в меру.

Работа не волк, и в лес не убежит.

Но когда пришел Гитлер к власти, все стало потихоньку меняться во всей Германии. К лучшему, или к худшему, это второй вопрос.

Но в стране исчезла безработица, в магазинах стали появляться продукты по нормальным ценам. Со временем поднялась и зарплата.

Отто был аристократ, и в принципе, мог и не работать.

Но Шубдц был бабником, и zelo любил выпить. А все это требовало денег, и немалых, особенно, бабы.

Поэтому Отто работал в Департаменте по делам депортации инопланетян, и работа ему нравилась.

Конечно, Шубдц, никому не рассказывал про свою работу даже по пьяной лавочке, да ему бы, наверно, в то время никто бы и не поверил.

30 января 1933 года Гинденбург принял отставку Шлейхера и назначил рейхсканцлером Гитлера. С этим назначением Гитлер ещё не получил власти над страной.

В департаменте только и разговоров было, что о политике. Во-первых, любые законы в Германии мог принимать только рейхстаг, а партия Гитлера не имела в нём необходимого большинства голосов. Во-вторых, в самой партии существовала оппозиция Гитлеру в лице штурмовиков и их лидера Эрнста Рёма. И наконец, в-третьих, главой государства являлся президент, а рейхсканцлер был всего лишь главой кабинета министров. Однако за полтора года Гитлер устранил все эти препятствия и стал неограниченным диктатором.

Свои планы Гитлер откровенно изложил уже 3 февраля 1933 года в речи перед главнокомандующими сухопутными войсками и военно-морскими силами во время посещения генерала пехоты барона Гаммерштейн-Экворда. Он говорил о необходимости «уничтожить марксизм с корнем», об «устранении раковой опухоли – демократии», о введении всеобщей воинской повинности, о «захвате нового жизнен-

ного пространства на Востоке и его беспощадной германизации».

27 февраля – менее чем через месяц после назначения Гитлера канцлером – произошёл пожар в здании парламента – Рейхстаге.

Тогда же и сгорел склад и сам Департамент по делам депортации инопланетян.

Здание департамента было рядом с рейхстагом, и хоть на двери не было никакой таблички, в силу секретности заведения, но здание все же подожгли.

Отто в свое время предлагал не раз повесить табличку у входа, потому что курьеры все время не могли их найти, и приходилось каждому подолгу объяснять по телефону как их найти.

Но каждый раз предложение Отто отклоняли, ссылаясь на чертову секретность.

Официальная версия случившегося пожара гласила, что в этом виноват голландский коммунист Маринус ван дер Люббе, схваченный во время тушения пожара.

В конторе была версия, что Маринус ван дер Люббе на самом деле поджег изначально Департамент по делам депортации инопланетян.

А Рейхстаг поджег для отвода глаз.

Но в полиции озвучить свои подозрения никто не решился.

И тогда Департамент по делам депортации инопланетян

перевели в Лейпциг, поближе к космопорту, благо, что там уже было построено новое ультрасовременное здание, которое учитывало все особенности жизни инопланетян, и оснащено всем необходимым инопланетным оборудованием.

В связи с пожаром Департаменте по делам депортации инопланетян грянул скандал.

Нацисты обвинили в поджоге здания конторы и рейхстага Маринус ван дер Люббе. А тот, как назло, оказался скрытым коммунистом, евреем, и двоюродным братом начальника Департамента по делам депортации инопланетян.

Начальника сняли 28 февраля.

А уже 1 марта Гитлер назначил Артура Шульмана директором Департамента по делам депортации инопланетян.

Отто к назначению отнесся спокойно.

А что от него зависело? Да ничего. Ну, назначили, и назначили.

Но Шубдц решил вступить в НСДАП.

На всякий случай.

Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (нем. Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei (NSDAP), это ультранационалистическая экстремистская политическая партия Германии, политический носитель идеологии национал-социализма

Отто не был нацистом, но карьеру пора было уже и делать.

И Шубдц прекрасно видел, что все новые назначения в стране идут с подачи Гитлера. И всюду назначают членов

партии.

Контора переехала в Лейпциг, и Отто, скрепя сердце, тоже.

После прихода к власти нацистов отношения со странами Юго-Восточной Европы укрепились, потому что нацистские лидеры организовывали соглашения и скрытые сделки. Из-за относительно большого размера Германии по сравнению с другими европейскими странами было легче получить экономическое влияние в торговле, особенно силу, которую они получили от Лейпцигской торговой ярмарки, и использовать это в качестве рычага давления на такие страны, как бывшая Югославия, Румыния, и Болгария терпеть немецкую власть.

На Лейпцигской торговой ярмарке был закрытый павильон, где Германия торговала инопланетными изделиями. Но торговля шла за бешеные бабки, и только для союзников нацистской Германии.

В конце концов, после прихода к власти нацистской партии в 1933 году торговая ярмарка перестала быть столь ценной для нацистской Германии и ее экономики. И все потому, что для поддержания своей военной мощи страна все больше полагалась на иностранные, в том числе и на инопланетные товары.

Когда нацистская партия начала проводить антиеврейскую политику и изгонять евреев, в основном мужчин, с их высоких постов в сфере искусства и учебы, еврейские женщины начали вести домашнее хозяйство, поддерживать пси-

хическое здоровье членов своей семьи и побуждать их иммигрировать и избежать приближающегося зла.

Отто организовал торговлю поддельными паспортами, и спасал евреев как мог.

7 апреля 1933 года нацистские лидеры приняли Закон о восстановлении и гражданской службе. Этот закон разрешал увольнять евреев и других «политически неблагонадежных» людей с должностей на государственной службе, включая адвокатов и врачей.

В Департаменте по делам депортации инопланетян стали беспокоиться.

Не сказать, что они все там были евреи, нет.

Или были против нациков, но этот закон позволял любого турнуть с работы, а то и посадить не за что.

Всё это было неприятно.

Саксонское министерство народного образования издало директиву школам Лейпцига, Германия, в апреле 1933 года, в которой фактически содержался призыв к дальнейшей сегрегации евреев и арийцев в школе, что позже приведет к еще более жесткому разделению между группами.

Мало того, что этот закон можно было двояко трактовать, но если вчитываться между строк, то выходило, что по этому новому закону всех инопланетян нужно было депортировать из страны.

Никому в конторе не хотелось таких перемен, и делать такую уйму работы.

В большинстве своем иноземельцы были вполне милые создания, которым, впрочем, палец в рот лучше было не класть.

Кроме всего прочего, если выполнять этот закон полностью, то контору рано или поздно могли прикрыть. А лишаться работы никто не хотел.

Отто предложил всем коллегам вступить в НСДАП.

Это было выходом, чтобы не потерять работу в новых политических условиях.

Все подали заявку, и через некоторое время все работники департамента стали членами партии.

Партия требовала, чтобы её члены слушали речи Гитлера.

Что было делать?

Приходилось их слушать.

Брали пиво, баб, включали радио, и слушали.

А фюрер в своих речах напомнил всем о другом историческом предупреждении: «Мощная Германская империя, основанная Бисмарком, рухнула во время Мировой войны, поскольку в решительный момент она не имела сил „использовать свои военные статьи“. Скованная мышлением либерального „правового государства“ гражданская бюрократия, лишенная политических инстинктов, не нашла в себе мужества расправиться с бунтовщиками и врагами государства, как они того заслуживали. Тот, кто сегодня в 310-м томе материалов о деятельности рейхстага прочитает отчет об открытом заседании 9 октября 1917 года, будет потрясен

и поймет предупреждение фюрера. На заявление тогдашнего имперского правительства о том, что главари взбунтовавшихся матросов вели переговоры с депутатами рейхстага из Независимой социалистической партии, германский рейхстаг с громким возмущением ответил тем, что нельзя ограничивать партии ее конституционное право вести пропаганду в армии и что отсутствуют веские доказательства государственной измены. Что же, эти веские доказательства независимые социалисты выплюнули нам в лицо год спустя. С беспримерным мужеством и с ужасными жертвами немецкий народ четыре года противостоял всему миру. Но его политическое руководство печальным образом проиграло в борьбе против отравления народа и подрыва немецкого права и чувства чести. До сегодняшнего дня мы расплачиваемся за медлительность и торможение германских правительств во время Мировой войны».

Все нравственное возмущение позором подобного краха сконцентрировалось в Адольфе Гитлере и стало в нем движущей силой политического действия. Весь опыт и предупреждения истории немецкого несчастья живут в нем. Большинство опасается жесткости подобных предупреждений и предпочитает бегство в уклончивую и компромиссную поверхность. Однако фюрер серьезно относится к урокам немецкой истории. Это дает ему право и силу для обоснования нового государства и нового порядка.

И так далее и в том же духе.

Конечно, Шубдц с коллегами не вникал во все это.

Но слушать этот бред было обязательным условием нахождением в нацистской партии.

Работу терять не хотелось.

Приходилось бухать, трахать баб, чтобы отвлечься, и слушать нацистскую пропаганду.

Артур Шульман под шумок, открыл с десятков фирм, и стал приторговывать инопланетными товарами по всей стране.

Конечно, это было нелегально.

Но пока ему все шло с рук.

Шульман организовал десяток подставных фирм, которые и торговали всякой инопланетной всячиной, выдавая все это за изделия умельцев из Германии.

Конечно, приходилось изрядно повозиться, чтобы все было шито-крыто.

Но овчинка стоила выделки, да и зарплату работникам он маленько поднял.

Инопланетный товар приходил от инопланетян, запакванный в коробки с непонятными надписями.

Товар приходил на склад Департамента по делам депортации инопланетян в больших коробках.

Шубдц вместе с Айсманом, которого Отто со временем стал звать ласково «Миша», распаковывали коробки. И из больших коробок вытаскивали более маленькие коробочки.

Потом Отто с Мишей печатали куар-коды на специальном принтере, который тоже был инопланетной технологией, и сделан где-то в Альфе-центавре.

Затем эти куар коды приклеивали на маленькие коробочки в соответствии с товарной накладной.

При постановке на приход не использовали старые амбарные книги, а открывали компьютер, сделанный в системе Процион, запускали программу складского учета, разработанную также на Проционе.

Включали сканер, который сканировал куар-коды с коробок, и после этого ставили весь товар на приход.

Подразумевалось, что таким образом будет исключено воровство и головопутьство, которое в тридцатые годы двадцатого века и позже было распространено в Германии.

Пару слов стоит сказать и о Михаэле Айсмани. Михаэле Айсман был истинный ариец почти двухметрового роста. В меру кучеряв, в меру блондинист, и в меру красив.

Короче если вы, когда видели немецкие плакаты тех лет с бравыми парнями, то Миша имел чисто плакатную внешность.

Правда, чтобы хоть как-то отличаться то ли в знак протеста, то ли еще по какой причине, Миша носил усы и бороду русого цвета.

Тяжело судить почему, но все работники Департамента по делам депортации инопланетян в 1933 году были усаты и бородаты.

Таков был их корпоративный стиль.

Отто Шубдц в те времена тоже носил усы и бороду.

После того, как Отто с Мишей ставили товар на приход, они временами перемещали товар между базами фирм, которых в изобилии создал Артур.

А когда надо было, то набирали товар по товарной накладной, сканировали в системе складской и бухгалтерской отчетности. И отправляли в цех, где товар переупаковывали в другие коробочки с немецкими надписями.

Каждый товар по накладной должен был иметь: инструкции по эксплуатации на немецком языке, паспорт изделия на немецком языке, регистрационное удостоверение (РУ) также на немецком языке.

Кроме того вся партия товара должна была иметь товарно-кассовую накладную, акт приема-передачи товара, счет на оплату товара все на немецком языке и в двух экземплярах.

Сложность была в том, что бы оформить все эти документы надлежащим образом и ничего не перепутать.

Во главе всех этих фирм были стояли ближние или дальние родственники Шульмана, которые понятия о фирмах и о том, что там происходит не имели.

Что касается Отто Шубдца. то он делал для каждого товара: инструкции по эксплуатации на немецком языке, паспорт изделия на немецком языке, регистрационное удосто-

верение (РУ) также на немецком языке.

И тут также были скрытые камни и куча сложностей.

Основная проблема была в том, что людей, знающих все инопланетные языки, в рейхе можно было пересчитать по пальцам одной ноги.

И все они были евреями.

То ли случайно так вышло, то ли еще по какой причине, но так исторически сложилось.

А Отто стал членом НСДАП, и его отношения со всеми переводчиками испортились в конец.

В довершение ко всему всех переводчиков, евреев, нацики посадили в концлагерь «для исправления».

Что там можно было «исправить», Шубдц не понимал.

Но проблема возникла неожиданно, когда пришел новый товар.

Все бы ничего, но на товаре стояли какие-то иероглифы, которые Отто не понимал от слова «совсем».

Шубдц начал узнавать, куда переместили переводчиков, но так и не узнал.

А на товар нужно было делать документы, чем Отто на работе собственно и занимался.

Пришлось обращаться к Шульману.

Артур почесал череп, улыбнулся, куда-то позвонил. И в тот же день Отто был в концлагере у начальника в кабинете, а перед ним стоял какой-то узкоглазый хмырь в оборванной и грязной робе.

– Тебя как зовут? – Спросил Шубдц арестанта.

– Вейшенг. Вейшенг Швайне. – Ответил хмырь.

– Знаешь этот язык? – Задал вопрос Отто, доставая коробочку с иероглифами.

– Вроде знаю. – Осмотря коробочку ответил узник.

– Что за язык? – Поинтересовался Отто Шубдц.

– Кажись, китайский. – Сказал хмырь, и почесал задумчиво в паху.

– Что значит: «кажись»? – Взревел Отто.

– Ну, вообще в Китае 10 основных народов, и более 2 десятков языков, которые можно назвать китайским языком. – Начал рассказывать заключенный. – Китайский язык, ну, или, китайские, синитские, синитические языки, пиньинь Hànyǔ, ханьюй либо пиньинь, чжунвэнь, это – язык или языковая ветвь сино-тибетской языковой семьи, состоящая из разновидностей, в полностью взаимонепонятных.

Наш язык является одной из двух ветвей сино-тибетской семьи языков. Первоначально он был языком основной этнической группы Китая – народа хань. В своей стандартной форме китайский является официальным языком.

Наш язык представляет собой совокупность весьма сильно различающихся диалектов, и потому рассматривается большинством лингвистов как самостоятельная языковая ветвь, состоящая из отдельных, хотя и родственных между собой, языковых и диалектных групп.

В Китае в качестве официального письменного и устно-

го стандарта принят «путунхуа» (дословно – «всеобщая»), основанный на пекинской произносительной норме северокитайского языка (в западной литературе – «мандарин»). Ну а сам «китайский язык» объединяет в себе современный язык и его диалекты (но не языки национальных меньшинств – уйгурский, монгольский, тибетский и т. д.). Многие из диалектов не имеют письменности, существуя в устной форме и используют, при необходимости, стандартные китайские иероглифы, близкие по смыслу.

В Германии под словосочетанием «китайский язык» (в том числе в образовательных программах) чаще всего имеется в виду северокитайский язык и его стандартный вариант – путунхуа.

– Ты сам, откуда все это знаешь? – Поинтересовался Отто.

– У меня мама китайка, а папа немец. – Ответил узник концлагеря. – Я родился в Китае, и по образованию я филолог, изучающий китайский язык.

– Так, – сказал Отто Шубдц, – а тут-то ты как оказался?

– У моей мамы её мама еврейка. – Пояснил Вейшенг Швайне.

– Понятно. – Произнес Отто, сдвинув шляпу на затылок. – Ну а перевести то, что написано на коробке, на немецкий, и помочь составить мне документы мы в состоянии?

– Конечно, смогу. – Ответил Швайне.

– Ну и отлично. Садись здесь, вот тебе ручка, бумага – переводи то, что написано на коробке. Потом переведешь текст

из регистрационного удостоверения, инструкции по эксплуатации, и сертификата соответствия на немецкий язык.

И Отто Шубдц выложил все документы на стол.

Потом распорядился хорошо кормить узника, охранять, и глаз с него не спускать, а как тот закончит с переводом позвонить Отто на работу.

Через два дня документы были переведены.

Отто Шубдц поблагодарил Вейшенга Швайне за проделанную работу, и отбыл в департамент.

Приехав в контору, Отто отдал Илье рукописный текст, чтобы тот распечатал все документы.

Илья набивать текст не стал вручную. Потом загрузил все рукописные листочки в сканер, производства с двойной звезды Грумбридж 34, запустил режим сканирования, потом распечатал все на бумаге.

Миша поставил везде печати «Норман групп» и «копия верна», и расписался за зиц-председателя «Нормана».

И документы ушли вместе с отгруженным товаром.

Куда они ушли, знал лишь Артур, да начальник транспортного отдела Серж Шайземан.

Через неделю Артур Шульман лично прибыл в Департамент по делам депортации инопланетян, что случилось с ним второй раз за все время работы.

Он рвал и метал, изрыгая такие проклятья, то переводу на русский язык они никак не подлежат.

Через полтора часа, немного успокоившись, он спросил

Отто:

– Это ты делал документы?

– Я. – Честно ответил Отто Шубдц.

– А скажи мне, пожалуйста, что это такое за название товара: «Некая неведомая хуйня»?

– Понятия не имею. – Честно ответил Отто Шубдц.

– Издеваешься? – заорал Шульман.

– Никак нет, мой фюрер. – Честно ответил Отто Шубдц.

Он был сама молодцеватость и исполнительность в тот момент.

– Какого хуя вы назвали товар: «Некая неведомая хуйня»?

Казалось, что еще чуть-чуть и Артур разорвет Отто и сожрет целиком.

– Ну как нам перевели доки, так мы товар и назвали.

«Некая неведомая хуйня»? – Пояснил Шубдц начальнику.

– Охуеть. – Заорал Шульман и бушевал еще 2 часа.

Вся контора замерла по стойке смирно.

Наконец, шеф успокоился.

– Ладно, всем выговор. – Вынес вердикт Артур.

– А мне за что? – Скромно поинтересовался Кирилл. – Я вообще ничего не знал.

– А тебе строгий выговор, как генеральному директору.

Потому, что ты ничего не знал.

На самом деле Шульман сделал Кирилла генеральным директором одной из своих подставных фирм.

– Мой фюрер, а что «Некая неведомая хуйня» совсем

не продается? – Подал голос Отто Шубдц.

– Да нет, как раз продается, и очень хорошо. Весь товар продали.

– Шеф, ну так в чем же дело? – Спросил Кирилл.

– Да все дело в том, что никто не знает что это за товар, и как его использовать.

– Мой фюрер, а инструкция к товару «Некая неведомая хуйня» не разъясняет, как использовать товар? – Задал вопрос Миша.

– Разъясняет. Но никто ничего не понял. Товар включают в сеть. Он гудит, потом светится, и все. – И Артур, задумчиво теребя бороду, посмотрел на работников Департамента по делам депортации инопланетян.

Те стояли смирно, почти не дыша.

– Ну и в чем, собственно говоря, проблема? – Спросил Кирилл.

– Проблема в том, что инструкция на 3000 страниц, а наш товар почти ничего не делает. «Некая неведомая хуйня» просто светит и все. – Пояснил Артур.

– Шеф, так, значит, – это просто светильник. – Просиял Отто Шубдц.

– Вполне может быть. – Задумчиво сказал Шульман. – Скажите мне, но почему инструкция на 3000 страниц?

– Да кто ж их знает, этих инопланетян. – Вслух возмутился Миша. – Может, они в инструкции разъясняют, что такое электричество, и как его добыть.

– Вполне может быть. – Задумчиво сказал Шульман. –
Ладно, все свободны.

И все разошлись по своим рабочим местам.

А ночью Отто снился сон.

Во сне он совершал в церкви обряд бракосочетания.

Лицо невесты он не видел, оно было скрыто фатой.

В церкви Отто Шубдца встречала его мать с иконой.

Матушка дала поцеловать икону невесте, и благословила
иконой невесту.

Отто наклонился к иконе, чтобы поцеловать её.

Но мать неожиданно с размаху иконой врезала Отто по го-
лове.

Тот не ожидал удара, и рухнул как подкошенный на пол.

– Обижаешь свою жену, сын? – Спросила грозно мать.

– Нет.

Матушка размахнулась и еще раз со всей силы врезала От-
то Шубдцу по голове.

– За что? – взвыл Отто.

– Чтобы не обижал её! – Строго сказала мать.

– Да я и не обижаю. – Пробовал оправдаться Отто Шубдц.

– Знаю я тебя, баловника. – Строго сказала матушка.

– А ну берите его за руки, за ноги. – Произнесла мать
невесть откуда взявшимся четверем ангелам. – Будем его по-
роть.

Ангелы шустро схватили Отто. Положили его на скамей-
ку, и сняли с Отто штаны.

– Обижаешь свою жену, сын? – Спросила грозно мать.

– Нет. Да я и не обижаю. – Пробовал оправдаться Отто

Шубдц.

– Точно?

– Да точно, точно. – Сказал Шубдц чуть не плача.

– То-то же, ну смотри мне! – Произнесла мать.

И обращаясь к ангелам, велела:

– Отпустите его. Хватит с него.

Ангелы отпустили Отто, и тот сразу проснулся.

Шел 1933 год.

И Германия еще не знала о грядущем нашествии инопланетян.

Пацифист Отто Шудбц

Отто Шудбц не был идиотом. Он был интендантом вермахта. И еще Отто был аристократом.

И вот эти две ипостаси и заставляли его находить творческий подход во всем, что он делал на службе.

А делал он много.

Шел, однако, одна тысяча девятьсот сороковой год. И это накладывало на Шудбца немалые обязательства.

Шудбц был служака кость от кости. Он был в вермахте proviantmeister, то есть, переводя на русский – начальник продовольственного снабжения в чине капитана.

И этим он очень гордился. Шудбц жил в родовом поместье вместе с женой, и службой себя не утомлял.

От работы кони дохнут – справедливо считал Отто и был ох как прав.

Как-то он с друзьями долго засиделся в пивном ресторане. Уйти быстро из пивного ресторана Отто не мог. И вот почему. Германия вообще-то – страна с давними пивными традициями, а сами немцы входят в первую десятку наций по употреблению пива. Немец без пивного живота после сорока это не немец, а мигрант. Пиво у немцев – не просто любимый напиток, а образ жизни. И это многое объясняет.

В Германии не принято пить пиво в одиночестве или на ходу. В рейхе всегда предпочитают компанию друзей и неспешную беседу за кружкой пенного напитка, как правило, после рабочего дня. Если сильно припечет, то можно и во время работы.

Знаете ли вы о том, что разные сорта пива в Германии подаются в посуде различной формы и вместимости? Это тра-

диция, ее не нарушают. Пшеничное пиво подается в высоком полулитровом бокале, ячменное пьют из бокалов в форме тюльпана или кружек объемом 0,3- 0,5л.

В Кельне пиво Кельш сервируют в тонком цилиндрическом стакане объемом 0,2л (он называется штанга). В Дюссельдорфе в пивных тоже приняты небольшие порции – 200мл, зато количество бокалов может быть неограниченным (число порций обозначается штрихами на подставке из картона, а к концу вечера суммируются).

Кроме того, в Германии в ходу кружки с крышками. Эта традиция имеет глубокие корни. В 1516г. герцог Вильгельм IV издал закон о чистоте пива. Благодаря этому и появились крышки, защищавшие пиво от насекомых, листьев и прочих воздействий внешней среды.

Компанию Отто составил его друг Obermusikmeister, старший военный дирижёр Юргенс. Позже к ним принесли oberveterinaer Biest.

Скотина oberveterinaer Biest был пьян как всегда в стельку.
– На хрена вы его приволокли? – Спросил интендант дружкой.

Его друг летчик Staffelfuehrer major Дранкель, которого Шудбц знал со школы, был тоже навеселе, но стоял на ногах твердо, хотя и был без фуражки и в подштанниках ответил:

– Да понимаешь, Отто пошли в публичный дом, ну, выпили как всегда. – Произнес Дранкель, роняя Biest на пол.

– Тяжелый, скотина. – Показывая рукой на Biest, сказал

майор военной разведки Шранкель, давний друг Шудбца, с которым они вместе играли в футбольной команде.

– Ну и чего? – Не понял Шудбц.

– Чего пили? Да как тебе сказать, Отто... В основном мы были у баб... А пили что было. Надо ж как-то отдохнуть... – Пояснил Дранкель.

– Да я не о том. На хрена сюда принесли эту скотину Biest?

– На хрена, на хрена? В бордель пришло начальство Шранкеля. – Пояснил Дранкель. – А Шранкель в это время должен был быть на задании. Ну и нам пришлось линять. Вместе с этим Biest. Его ж там оставишь, он всех с похмелья сдаст.

– Все ясно, – сказал интендант, подзывая официанта. – Садитесь, мужики маленько выпьем. Сейчас схожу, звякну ординарцу Дранкеля, чтобы он штаны принес.

И они стали маленько пить.

Сначала было пиво. С закусью, конечно.

Пивной ресторан был неплохой, тут варилось более двадцати сортов пива. Было пивное шампанское, миксты, и вообще всё, чего пожелает уставшая душа немецкого вояки.

А душа хотела многого.

Когда пиво надоело, захотелось шнапса.

Когда шнапс уже перестал радовать, и рвался из всех щелей закаленных немецких организмов наружу, захотелось женщин.

Когда пришедших теток использовали по назначению,

и не по одному разу, решили выпить коньячку...

Словом жизнь текла своим чередом, и ребята несколько засиделись в заведении.

Прошло уже три дня как они пили, и тут Шранкель неожиданно вспомнил, что ему было поручено доставить совершенно секретный оперативный план немецкого наступления на Западе.

Помог это сделать Шранкелю его ординарец, который соизволил принести через трое суток штаны майору.

– Пиздец, пацаны, меня расстреляют к ебням сейчас. – Сказал расстроенный Шранкель.

– В чем дело, Фриц? – Спросил Юргенс. – Что случилось? И Шранкель рассказал.

– Дело в том, что наши войска ждут приказа о наступлении, а этот приказ у меня.

– Фигня – война, подождут. Видишь, мы заняты. – Сказал Дранкель, и показал на стол, уставленный бутылками, кружками, закуской, пьяного ветеринара, и блядей, которые вповалку спали на полу.

– Войска, может, и подождут, а меня на хуй фюрер лично расстреляет. – Заплакал в голос пьяный Шранкель.

– Ты прав, друг. Гитлер тебя расстреляет, распиздяя, и будет прав. – Ответил Юргенс, беря химический карандаш, и старательно пиша на груди спящей проститутки: «Hitler ist Bock von eine Ziege».

– И наша задача не допустить твоего расстрела, Шран-

кель. – Сделал вывод Отто. – Но приказы нужно выполнять.

Шудбц взял кружку светлого пива, смешал с темным, и с удовольствием выпил получившуюся смесь.

– Кельнер! Вина пять бутылок и двенадцать кружек пива! – заорал Юргенс.

– На хрена вино, Юр? – Удивился Отто.

– Ты, блядь, ни хуя не понимаешь, друг. Проведем эксперимент.

– Какой?

– Такой. Молча смотри. Только не мешай.

Пришел кельнер и принес вино. Юргенс взял пивную кружку, стоявшую на столе, вылил остатки пива на штаны ветеринара Biest. Штаны вроде стали маленько почище.

Бравый музыкант налил в кружку до верха вина.

– Встать! Смирно! – Неожиданно заорал Юргенс.

Отто и те, кто мог встать, мгновенно вскочили. При этом интендант потерял равновесие, и рухнул под стол.

– Видишь, друг, что я тебе говорил про боеспособность армии. – Сказал Юргенс, помогая подняться интенданту.

– С этим надо что-то делать. – Сокрушенно сказал Шудбц.

– А то. – Согласился Юргенс, беря кружку с вином, и подходя к ординарцу.

– Пей! – Приказал дирижер.

– Слушаюсь! – Bravo проорал солдат. И тут же выпил кружку вина.

– Так... – Сказал Отто. – Ты мне на хуя подчиненных спа-

иваешь?

– А что так? Почему вот именно «ТАК»? Ты просто не понял сути всего эксперимента до конца. – Начал разъяснять Юргенс, жуя сосиску, и запивая её пивом.

– Чуть что, так сразу: «ТАК». Давай проведем эксперимент, чтобы выяснить, как можно быстро выполнить приказ фюрера, с учетом того, что нужный поезд ушел, а следующий будет лишь через сутки. – Сказал Юргенс, поднимая кружку с пивом, которую кельнер только принес. – Давай же выпьем, друг.

И вся компания выпила пива. Не забыв солдата. Потом еще вина. Потом коньяка, и потом шнапса. Заполировали все коньяком.

Причем пили всего по одной пивной кружке, в которую всего-то входило пол-литра. Они же не алкоголики.

Кружка пива.

Кружка вина.

Кружка коньяка.

Кружка шнапса.

И еще кружка коньяка.

Последнюю кружку коньяка ординарец осилить не смог, и упал, как озимые, под стол.

– Тааак... – Сказал Отто.

– Ну, вот именно, что так. – Произнес музыкант закусывая.

– Наш эксперимент показал, что быстрее всего передви-

жение бывает в состоянии свободного падения. Согласен?

– Однозначно... – Согласился интендант.

– Значит, Шранкеля надо выкинуть на парашюте около штаба. И Дранкель его к штабу и доставит. Дранкель ты как? – Сделал вывод Юргенс.

– Дранкель, еб твою мать, руки в ноги, и бегом на аэродром, выручай своего друга Шранкеля! – Строго приказал Отто. – Бегом!

– Хайль Гитлер! – Заорал Дранкель. – Всегда готов!

Компания поймала такси, и через час была в аэропорту.

Дранкель со Шранкелем сели в самолет, поддерживаемые Отто и Юргенсом и полетели выполнять приказ фюрера.

Чтобы наверстать упущенное время, майор ВВС Дранкель конечно вызвался доставить своего друга, Шранкеля, в Кельн на небольшом самолете. Однако погода в эти утренние часы была такой плохой, что из-за недостаточной видимости машина сбилась с курса и, в конце концов, совершила вынужденную посадку в Бельгии, близ Мехельна.

То ли погода всему виной, то ли неменяемое состояние летчика Дранкеля и разведчика Шранкеля, но документы попали в руки бельгийской полиции.

Летчик с разведчиком попытались документы съесть, но пакет был слишком велик. Попробуй съешь пять килограмм бумаги! Да еще без пива и быстро.

Потом Шранкель попробовал его сжечь, но и это не вышло.

И бельгийцы все прочитали. Весь план будущей войны. Но не поверили двум пьяным в дупель мудакам.

Гитлер сразу же заподозрил измену, и хотел отдать приказ о незамедлительном устранении обоих офицеров. Однако на допросах не удалось получить доказательств преднамеренной государственной измены.

Канарис, лично знавший Шранкеля, и будучи поклонником этого яркого центрфорварда, убеждал Гитлера:

– Шеф, ребята были просто пьяны! С кем не бывает. С другой стороны, бельгийцы теперь думают, что это дезинформация, и что мы теперь не нападём на них.

– Вильгельм, ёб твою мать! Это же план войны! Как можно быть таким распиздяем? Расстрелять надо к ебням твоего Шранкеля, да и Дранкеля в придачу.

– Мой фюрер, но, во-первых завтра матч между «Баварией» и «Дуйсбургом», а Шранкель, как вы помните, играет за «Баварию». А во вторых, расстреляв двух этих распиздяев, мы значительно ослабим мощь вермахта. И так к нам никто в армию служить не рвется. – Ответил Канарис, становясь по стойке смирно, и подобострастно смотря в глаза фюреру. – После расстрела к нам не то, что рекруты не пойдут, но и остальные на хуй разбегутся. С кем воевать будем?

Фюрер постоял, минуту глядя в окно, видимо, принимая решение.

– Ладно, хуй с ними, с этими пидорасами. Ты прав, Вилли, завтра футбол. Отпусти этих говнюков, и объяви им выго-

вор. И еще: строгий выговор с занесением в трудовую книжку я объявляю Гиммлеру. Не хуй ворон ловить, и делать вид, что самый умный. Среди личного состава разведки раз в месяц проводить курсы по съеданию бумажных приказов с обязательным зачетом. А Манштейну я приказываю разработать новый план наступления.

Так Шудбц, сам того не зная, Европе подарил лишние два месяца мирной жизни.

Но Шудбц этого не знал, как и вся Европа не знала в лицо своих героев невидимого фронта.

Русские, медведи и шнапс

Отто Шубдц не был идиотом. Ну, то есть абсолютно. Он

был интендантом вермахта. И еще Отто был аристократом. Он любил выпить, и пил при каждом удобном и неудобном случае с друзьями и без друзей.

И вот эти две ипостаси: служаки и пропойцы-аристократа и заставляли его находить творческий подход во всем, что он делал на службе.

А делал он много. Иногда, даже очень много, что впрочем, часто скрывал от начальства.

Шел, однако, одна тысяча девятьсот сорок первый год. Началась война с русскими. И это накладывало на Шубдца немалые обязательства.

Шубдц был служака кость от кости. Он был в вермахте proviantmeister, то есть, переводя на русский – начальник продовольственного снабжения в чине капитана.

И этим он очень гордился. Шубдц жил в родовом поместье вместе с женой, и службой себя не утомлял.

Шубдц был военным, но фронта старался избегать. Тем не менее, служба есть служба, и как-то, раз Отто послали на оккупированные территории Советского Союза заготавливать сало.

Кому и зачем нужно было сало в рейхе Отто не знал, и для него это была большая загадка. Немцы вообще не ели жир в чистом виде, и свиное сало в частности.

Представить арийца, который закусывает шнапс салом, было выше моральных и физических сил бравого интенданта. Его просто переворачивало от такой мысли. Это все рав-

но, что представить kota, который есть брюкву, запивая это все бренди.

Кто мог издать такой дурацкий приказ Шубдц терялся в догадках, тем не менее, он собрал нехитрые пожитки, необходимые для командировки в суровую и холодную Россию: презервативы, шнапс, тёплые кальсоны и шубу на песце.

Жене Отто сказал:

– Уезжаю от тебя на фронт, буду храбро бить русских!

– Ух ты мой сладенький герой! – восхитилась жена, – Я тебя, верно, буду ждать, возвращайся скорее!

– Знаю, как ты меня будешь ждать, стерва. – Сказал Отто, потрепав ласково жену по щеке, и давая ей пачку презервативов.

Отто без приключений добрался до фронта. Вручил свои бумаги в штабе. В штабе на них поставили все необходимые печати и подписи. И Шубдц получил пропуск.

Первым делом Отто пошёл в местный кабаk. Там заказал он себе местного пива, и закусон к пиву, который там был. Из закуски было: рябчики, варёные раки и как ни странно ананасы.

Откуда ананасы в такой глуши Шубдц не знал. Но ему показалось прикольным попробовать ананасы с пивом на фронте.

Шубдц по привычке начал потреблять пиво с раками.

Раки были выше всякой похвалы: свежие, большие и вкусные.

Когда Шубдц заканчивал с раками к нему присоединился его старый знакомый Генрих Штраузен. Он появился, как чёрт из табакерки, совершенно неожиданно, как он всегда любил это делать в мюнхенской пивной, где они с Отто познакомились, когда Штраузен в Мюнхене занимался арестами евреев, а Шубдц делал евреям поддельные документы, чтобы те могли выехать за рубеж.

Генрих по доброте душевной, и за некоторое количество дойчмарок, давал Отто списки тех, кого планировалось арестовывать, за несколько дней до их предполагаемого ареста.

В списке были фамилии, имена, адреса. Отто шёл по списку и предлагал евреям документы, чтобы они могли скрыться от властей, и уехать за границу.

Это был бизнес, который был выгоден и Штраузену, и Шубдцу.

Оба поимели с евреев очень неплохие деньги. Заодно спасли много еврейских жизней. Они оба по натуре были пацифисты, и неплохие, в общем-то, ребята, особенно, когда им за это платили.

– Отто, дружище, как ты поживаешь? Какими ветрами тебя занесло к нам? – Спросил весело уже нетрезвый Штраузен. На нём была форма майора вермахта, которая сидела на нем как влитая.

– Да вот по приказу командования приехал на фронт заготавливать сало. – Ответил интендант, чеша ухо вилкой.

– Кому на хуй в Берлине понадобилось сало? – Искренне

удивился Генрих.

– Да хуй его знает. – Так же искренне ответил Шубдц. – Не знаешь, где его тут можно взять? Сало тут есть вообще?

– Знаю. Завтра дадим в местной газетке объявление о покупке сала. И будет тебе счастье. Кроме того, моя часть стоит неподалёку тут. Там какой-то местный колхоз выращивает свиней. Там этого сала до этой матери. Завтра поедешь и всё сало заберёшь. Всё равно все местные жители разбежались.

– Дружище, Генрих, ты меня здорово выручил. – Сказал Шубдц, подозвал официанта и заказал всё, что было в меню, которое было, на двоих, и всю путёвую выпивку, которая была в заведении.

Старые друзья просидели в ресторане добрых три часа и были пьяные, как фюрер на Первомай.

Известно, что Германия строила социализм с человеческим лицом, и это лицо, было лицом фюрера. А фюрер был не дурак выпить.

И на первое мая однажды он так нажрался, что про это долго сплетничали все немцы.

Неожиданно, в ресторан пришёл ординарец Штраузэна, разбудил Генриха, который лежал мордой в «салате Оливье», и заорал, что было сил:

– Господин майор, мы поймали русского диверсанта. Его нужно допросить. В нашей дивизии только вы знаете русский язык, и вас срочно вызывают в штаб.

С трудом пополам Штраузэна еле-еле разбудили, собрали всё, что было съедобного на столе, взяли недопитое спиртное, и Шубдц помог ординарцу донести Генриха, до машины. Сам тот идти не мог, и лишь мычал какую-то странную песню, с какими-то странными повторяющимися русскими словами:

«На хуй! На хуй! Я уеду на хуй!»

Когда Шубдц с другом доехали до штаба, была глухая ночь. Пели соловьи, где-то неподалёку хрюкали свиньи, и нестерпимо чем-то воняло.

Шубдц помог ординарцу внести тело Штраузэна в штаб, и приказал ординарцу принести выпивку и закуску, которую они захватили с собой из ресторана.

– Mein Junge, я приказываю тебе сесть в машину, вернуться в город, там найдёшь отель «Советская», спросишь там тридцать второй номер. Вот тебе ключ, – и Отто отдал ординарцу ключ от номера, – Возьмёшь там шнапса три бутылки из моего чемодана, и доставишь сюда. Всё понял?

– Jawohl, mein Führer! – Бодро заорал ординарец, и бегом побежал исполнять приказ.

Когда Отто вошёл в штаб и прошёл в кабинет, где находился Генрих, он увидел там ещё капитана вермахта: худого светловолосого парня, который допрашивал русского.

Русский был здоровый двадцатипятикилограммовый детина с тупой мордой и с чёрно-седыми волосами. Капитану было около тридцати, русскому около пятидесяти. Капитан го-

ворил только по-немецки, русский знал только свой язык.

Так они говорили каждый о своём минут десять, при этом Штраузэн, который должен переводить был в говно пьяный и спал.

– Капитан, да он же не знает немецкого языка! Давай лучше выпьем, – сказал Шубдц.

– А давай! – Быстро согласился капитан.

И они начали пить пиво, закусывая обильно, теми закусками, которые Отто привёз с собой.

Наконец приехал ординарец и привёз шнапс, который Шубдц привёз с собой из Берлина.

Как только они открыли шнапс, сразу же очнулся Штраузэн.

Он обладал редким даром просыпаться тогда, когда появлялся качественный и дорогой элитный алкоголь.

Они выпили, потом ещё выпили. Потом напоили русского. Чтобы напоить русского им потребовалось целое ведро местного самогона. Русский пил, не закусывая, при этом совершенно не хмелея. Генрих во время вливания в русского самогон провёл допрос.

Выяснилось, что русского зовут Вова, сам он местный тракторист, и ни какой не диверсант. Просто перед этим вечером он хорошо выпил, упал в канаву и уснул. В этой канаве его и нашли немцы, почему-то приняв его за диверсанта, который выкопал окоп и замаскировался там.

Вова рассказал им, что когда он выпьет, он часто ходит

на охоту на медведя и убивает медведя ударом кулака в лоб.

– Да ну на хуй! – Удивился Шубдц. – Не верю!

То ли пиво виной тому, то ли шнапс с самогоном, но капитан, майор, интендант и русский обходились уже давно без переводчика. Русский говорил на своём языке, офицеры вермахта по-немецки, и все друг друга понимали.

– Я тебе отвечаю, братан! – Сказал русский амбал Вова, – Хочешь, пошли во двор, покажу.

– А что там есть медведи? – спросил Генрих ошалело.

– Конечно, есть – это же Россия! – Воскликнул русский тракторист, выходя на улицу.

Немцы последовали за ним. На улице медведей не оказалось.

– Ночь. Темно. Спят медведи, – пояснил русский мужик отсутствие медведей.

Компания двинулась по деревне громко горланя:

«Wenn die Soldaten durch die Stadt marschieren,

Öffnen die Mädchen die Fenster und die Türen.

Ei warum? Ei darum!

Ei warum? Ei darum!

Ei bloß wegen dem

Schingderassa, bumderassasa!

Ei bloß wegen dem

Schingderassa, bumderassasa!

Zweifارben Tücher, Schnauzбart und Sterne

Herzen und küssen die Mädchen so gerne».

Русский пел песню громче всего. Неожиданно им преградил дорогу большой колхозный бык. Бык шёл на них, опустив голову и глухо трубно мычал.

Капитан, увидев быка, заорал и куда-то побежал со страшной скоростью, которой позавидовал бы чернокожий олимпийский чемпион, спринтер Джесси Оуэнс.

С Шубдца и Штраузэна хмель, как рукой сняло. Русский Вова, подбежав к быку, стукнул скотине в лоб кулаком. Бык опал наземь, как озимый, глаза его закрылись, и он стал спокойный и сонный. Даже дышать перестал.

– Ну что я вам говорил, – Сказал русский, – Хуяк! И нет быка. С медведем примерно так же.

– А пошли, выпьем, друган! – Сказал Отто и компания пошла в штаб.

Там они выпили, закусили, послали ещё раз ординарца за самогоном и за шнапсом. А потом не заметили, как уснули.

Шубдцу снился странный сон. Он ходил по окопам, а вокруг него ходили медведи и рычали. Потом началась артиллерийская канонада, и русские пошли в атаку. У красной армии не было в руках оружия. Это были здоровые двухметровые амбалы с пудовыми кулаками. Они шли вперёд в атаку, по пути убивая всех медведей, которые им попадались ударом кулака в лоб, а солдаты вермахта бежали, позорно побросав свои окопы и оружия.

«Просмотр сна №398/3476 закончен. Можете открывать

глаза и просыпаться». – Прозвучал голос в мозгу интенданта, и Отто открыл глаза.

Отто проснулся в холодном поту. Увидел мирно дремавшего Вову и успокоился.

«С русскими надо жить мирно!» – Подумал интендант.

Вова стонал и плакал во сне, вероятно, ему снилось что-то страшное...

«Я четко понял, что если русские спят и не пристают к кому-то или не бьют кого-то, то испытывают глубочайший стресс!» – Подумал Отто, глядя на русского богатыря.

Голова зверски болела. Шубдц взял бутылку пива и залпом выпил её. Стало хорошо...

Пообедав с Генрихом, он распорядился все сало, которое было в избытке в колхозе вывезти в рейх.

Так закончилось первое свидание Отто с русским диверсантом.

P.s.: Немцы на самом деле заготавливали русское сало, хотя в Германии его никто не жрал.

Билеты в Рай, Тибет и не только

Отто Шудбц не был идиотом. То есть были некоторые штабные крысы, которые так утверждали, но они были не правы. По крайней мере, так думал сам Отто.

Шудбц был интендантом вермахта. Очень неплохим снабженцем. Мог достать черта, и не только его, если надо было. И еще Отто был аристократом.

И вот эти две ипостаси и заставляли его находить творческий подход во всем, что он делал на службе. А как иначе? Это же война, а на войне все цели хороши, главное, чтобы не воевать, и чтобы в тебя не стреляли эти страшные странные русские.

Отто был знаком с одним русским Вовой, который мог кулаком убить быка, и после этого знакомства Шудбц для себя решил, что он лично воевать с русскими ни за что не будет.

Отто делал он много всего нужного в армии. Иногда, даже чересчур много. Впрочем, вероятно, именно так и должны были поступать настоящие немцы для достижения победы над противником. По крайней мере, именно так считал Отто.

Шел, однако, одна тысяча девятьсот сорок первый год. И это накладывало на Шудбца немалые обязательства.

Шудбц был служака кость от кости. Он был в вермахте proviantmeister, то есть, переводя на русский – начальник продовольственного снабжения в чине капитана. Хотя Отто занимался не только и не столько снабжением.

И этим он очень гордился, своей универсальностью

и незаменимостью. Шудбц жил в родовом поместье некоторое время один, и службой себя не утомлял. Жену он не так давно выгнал из дома за то, что она не следила за аквариумом.

«От работы кони дохнут» – справедливо считал Отто и был ох как прав.

С началом войны с русскими начальство спускало ему директивы, и он эти директивы выполнял. И считал, что в этом и состоит его долг перед Германией и перед рейхом.

Накануне вечером Отто с ребятами пошел в пивной ресторан попить пивка. Ну и несколько перепил.

Это часто бывает, когда ты хочешь отдохнуть, а пиво уже не лезет. Но твои друзья добры, бодры, а в ресторане есть в ассортименте крепкие спиртные напитки.

Интендант помнил как он пил пиво, потом бренди, далее шел шнапс, потом коньяк, и потом поле зрения заполняла огромная грудь брюнетки с манящими глазами. Интенданта обильно вырвало на эту грудь...

Далее в памяти был провал...

Куда делась брюнетка, Отто не помнил. По крайней мере, её в ресторане не было.

Неожиданно к Шудбцу подошел его старый друг еврей и бывший раввин Изя Шульман. Шульман был известен тем, что в тридцатые торговал билетами в рай. Для полноты картины он повесил в синагоге карту рая, и расценки на места. Торговля шла бойко. И Шульман на эти деньги сначала от-

реставрировал синагогу, а потом и свой дом заодно. Купил себе шикарную машину, и вообще здорово приподнялся.

Но тут к власти пришел Гитлер, и если бы не Отто Шубдц, сидеть бы бравому и находчивому раввину в концлагере.

Но Отто всегда отличался острым умом и сообразительностью. И он предложил еврею стать... тибетцем.

Нужно сказать, что Шубдц тогда подрабатывал в одной государственной конторе начальником. Организация занималась выдачей разного рода документов. Работа была необременительной. Отто там появлялся: когда выдавали деньги, да еще когда дома было делать нечего. Пиво на работе было всегда. И это часто влекло бравого служаку на работу. Просто-таки манило со страшной силой.

Надо сказать, что в этой самой конторе, которой командовал Отто, до Второй мировой войны происходила также регистрация граждан захваченных стран с немецкими этническими корнями в фольксliste. Это был специальный документ, выдававшимся властями Третьего рейха фольксдойче, которые прошли процесс натурализации, и игравшим одновременно роль паспорта и удостоверения о «чистоте происхождения» на всей территории рейха.

Как только 30 января 1933 года Гитлер был назначен рейхсканцлером, еврейская пропагандистская машина была запущена на полную мощь. Уже 24 марта 1933 года в средствах массовой информации появились следующие заголовки:

«Иудея объявляет войну Германии. Евреи из всех стран, объединяйтесь для бойкота немецких товаров и массовых демонстраций!!» – Заголовки в «Daily Express» от 24 марта 1933 года.

«Все израилиты по всему миру объявляют Германии экономическую и финансовую войну. Четырнадцать миллионов евреев объединяются вместе, как один человек, чтобы объявить Германии войну. Еврейский оптовик оставит свою фирму, банкир свою фондовую биржу, торговец свою торговлю, а нищий свой жалкий сарай для того, чтобы объединиться в священной войне против людей Гитлера.» Писала та же Daily Express, 24 марта 1933 года. И не только они...

И тогда Гитлер решил известить евреев под корень. Хамства фюрер не любил.

И именно тогда, когда евреев стали сажать в концлагеря, Шубдц и предложил стать Шульману тибетцем.

Собственно говоря, почему нет? Где Тибет, и где рейх? И кто будет проверять?

По документам, которые Отто Изе и выдал, Шульман значился тибетцем с немецкими корнями, родившемся в Лхасе. Не подкопаешься.

Конечно, Шульмана нацисты не тронули. И Изя щедро отблагодарил Шубдца.

Потом тибетцами, турками, курдами, латышами, литовцами и эстонцами стали еще несколько тысяч евреев с легкой руки Отто Шубдца.

И каждый еврей, то есть прибалтиец по документам хорошо и щедро платил Отто за спокойствие и за документы.

Предприятие Шубдца процветало, как и он сам. Отто даже был благодарен фюреру, за его нелюбовь к евреям.

Еще бы! Ведь если бы не Гитлер, Отто не смог бы так развернуться.

Совесь Шубдца не мучила. Более того, он чувствовал себя мессией, и чуть ли не спасителем евреев.

А деньги – это просто плата за риск. Хотя какой там особо риск? Контора никому не отчитывалась, и их никто особо не проверял.

Все это было здорово до поры до времени, но как-то раз друзья предупредили Отто, что кто-то его аферу раскрыл, и доложил КУДА НАДО о недозволенной законом предпринимательской деятельности. И оттуда должна была приехать проверка.

Но тут в конторе возглавляемой Шубдцем случился пожар. Он произнес пламенную обличительную речь, в которой клеймил евреев-поджигателей. И отправил всех своих клерков «за раздолбайство» в армию.

Ну и сам от греха подальше тоже пошел служить в вермахт.

В рейхе взятки брали много и со вкусом все. Но официальная линия партии была борьба с взяточничеством, и потому сажали тех, кто попадался...

Так вот, когда Отто открыл глаза, брюнетки не было...

Куда делась брюнетка, Отто не помнил. По крайней мере, её в ресторане не было.

Так вот в этот момент к Шубдцу и подошел его старый друг еврей и бывший раввин Изя Шульман, тибетец по документам.

– Что делаешь, друг? – Поинтересовался тибетец, недавно переставший быть раввином.

– Не видишь? Произвожу набор интендантов в вермахт! По приказу фюрера!

– Вах! – Изумился тибетец Изя Шульман. – Отто, миленький, прими меня в вермахт интендантом пожалуйста. Я в долгу не останусь.

И Изя сунул в руку Шубдцу скомканную пачку денег.

– Да легко! – Сказал Отто, пряча деньги.

– Друг, а хочешь, я тебе помогу на вербовать интендантов? – Заговорщицки подмигнул Изя Шубдцу.

– Хочу. – Пробормотал Отто. – Но твои только пять процентов.

– Да без базара! – Обрадовался бывший раввин.

И за месяц они вдвоем на вербовали в интендантскую службу вермахта около десятка тысяч прибалтов, турок, курдов и других достойных людей, которые естественно щедро и добровольно благодарили Шубдца наличными.

Предприятие бы и дальше процветало и приносило бы стабильный доход, но тут пришел приказ Отто отправляться на Восточный фронт.

Носки вместо перчаток

Отто Шудбц не был идиотом. Ну, то есть не совсем идиотом, или даже совсем не идиотом. Хотя в штабе считали по-другому. Он был интендантом вермахта. И еще Отто был аристократом. В это как раз никто не сомневался.

И вот эти две ипостаси и заставляли его находить творческий подход во всем, что он делал на службе.

А делал он много. Иногда, даже чересчур много. Впрочем, вероятно, именно так и должны были поступать настоящие немцы для достижения победы над русскими. По крайней

мере, именно так считал Отто.

Шел, однако, одна тысяча девятьсот сорок первый год. Стоял на дворе ноябрь месяц. И это накладывало на Шудбца немалые обязательства. Вермахт наступал, и нес большие потери. Армия замерзала на просторах громадного СССР. В СССР наступила почему-то очень-очень холодная зима. И что самое поразительное, но вермахт не был к этому готов. В смысле к зиме. И одета была армия в летнюю форму.

Почему-то в СССР было очень холодно. Зверски. Генералы, изучавшие опыт Наполеона не учли главные причины поражения Бонапарта – отсутствие зимнего обмундирования, и русские холода.

Фюрер как-то сказал:

«До холодов мы СССР победим!».

Шудбц недоумевал: фюрер вообще карту СССР видел? А с историей Наполеона знаком? И почему в армии нет зимней формы одежды для войны с СССР, если к войне готовились?

Но Шудбц был служака кость от кости. И не он руководил Германией. Он был в вермахте proviantmeister, то есть, переводя на русский – начальник продовольственного снабжения в чине капитана. Однако, в случае приказа, Отто мог найти для рейха что угодно. Хоть черта лысого. А если надо, то и лохматого черта, вероятно, нашел бы. Если бы был приказ.

И этим Отто очень гордился. Шудбц жил в родовом поместье некоторое время один, и службой себя не утомлял. Же-

ну он не так давно выгнал из дома за то, что она не следила за аквариумом.

От работы кони дохнут – справедливо считал Отто, и был ох как прав.

С началом войны с русскими начальство спускало ему директивы, и он эти директивы выполнял. И считал, что в этом и состоит его долг перед Германией и перед рейхом. Последняя директива предписывала срочно поставить вермахту меховые перчатки и варежки, необходимые для ведения боевых действий в условиях холодной русской зимы.

Проблема была в том, что Шубдц уже 2 недели уже рыскал по всей Германии, и не мог найти ни меховых перчаток, ни этих странных варежек.

Зимы в Германии были относительно теплые, и из МЕХА перчаток не делали. Делали из чего угодно, но не из меха.

В директиве же четко указывалось, что перчатки должны быть меховыми, а также было указано количество необходимого товара.

Интендант, конечно, заключил договора с несколькими предприятиями на изготовление меховых перчаток и варежек нужного количества. Но проблема была в том, что перчатки варежки в нужном количестве изготовили бы только к маю. А армия мерзла сейчас. Просто тупо замерзала в этой большой и ледовой странной стране СССР.

А приказ, отданный Шубдцу, указывал, что исполнить директиву, и поставить вермахту варежки и перчатки нужно

в течение 3 недель.

Где за неделю найти такую уйму нужной продукции Отто не знал.

Нет, ну он закупил все, что смог найти у финнов, скандинавов и оленеводов из Америки, но товар обещали поставить лишь к марту. А поскольку был только ноябрь, и в СССР были зверские холода, то нужно было предпринять сверх усилия, чтобы найти, чертovy перчатки в нужном количестве.

Вермахт замерзал в суровой далекой России, где местные мужики хорошо переносят зиму, потому, что пьют водку с медведями в обнимку, и ходят голышом и босиком по снегу зимой после бани. А если русские еще и хорошо выпьют, то вообще убивают медведей кулаком в лоб. Одним ударом.

Накануне вечером Отто с ребятами пошел в ресторан. Ну и несколько перепил.

Интенданту снился странный сон.

Во сне: он, почему-то полностью голый, шел в обнимку с медведем по снегу, и орал песни на русском языке. Медведь был шерстяной, и Шубдцу не было холодно. Медведь нежно обнимал интенданта, и ласково его целовал.

Русского языка Отто не знал, в отличие от медведя, поэтому у них выходило не очень стройно. Однако, достаточно громко.

Было зверски холодно, и интендант жутко мерз. Когда ему было особенно невмоготу, он прижимался к медведю, тот его обнимал, и по-отечески хлопал по спине. И это помогало

Шубдцу согреться на какое-то время.

Медведь наливал Отто из самовара водку в большую железную кружку и рычал:

– Na, ebni slegonza, – sogreeshsya.

Интендант, ничего не понимал, но смело брал литровую кружку с водкой из лохматых лап зверя, и залпом выпивал.

Становилось сразу тепло и хорошо во всем теле.

Страшно мерзли лишь руки. Перчаток не было, чтобы как-то согреться Шубдц надел на руки носки.

Сразу стало хорошо...

Отто согрелся, лег к медведю под бок, и заснул голышом на снегу. Пьяный и счастливый.

Проснулся Шубдц дома от холода и головной боли. Отто был почему-то голый. На руках интенданта были носки, на члене презерватив. И больше одежды никакой на Отто не наблюдалось.

Было жутко холодно. На дворе был ноябрь, но камин в спальне не горел. Интендант лежал в обнимку с какой-то грудастой фрау, на которой из всей одежды была лишь медвежья шуба.

Голова болела после выпитого накануне. Отто разбудил денщика, и сказал:

– Что хочешь делай, но чтобы через час у меня был ящик водки для меня лично, и ящик шампанского для фрау. Откуда она, кстати, взялась тут?

– Будет сделано, мой генерал! – Заорал солдат, после чего

получил в ухо.

– Не ори, дурак, голова болит. – И Шубдц показал выразительно рукой на голову.

– Тьфу, ты черт. – Произнес Отто, снимая с рук носки, и вспоминая свой сон. – Приснится же...

– Откуда тут эта женщина, я не знаю. – Подал голос солдат. – Я спал, когда вы пришли со службы. Но я думаю, что она пришла с вами, мой генерал.

И солдат выразительно показал на член, на котором еще висел презерватив.

– Молчать, скотина! – Заорал интендант. – Где мой халат? Почему по всей спальне раскиданы женская одежда и моя форма?

– Вероятно, это русские прислали диверсантов, и они и натворили все это безобразие. – Быстро произнес денщик, как бы оправдываясь.

– Цыц, скотина! Быстро дать мне халат, носки постирать, все тут убрать, и спиртное купить! – Шубдц крайне не любил, когда ему говорили глупости, особенно, когда он был с бодуна. – Вы сначала совершите все те глупости, что совершил я, а потом будете меня им учить.

– Бегом! – Заорал Отто.

– Есть, мой фюрер! – Ответил денщик, и мухой метнулся исполнять приказания.

Когда Шубдц умылся, похмелился, чем было, оделся, позавтракал, и выпроводил ко всем чертям грудастую Гретхен

в медвежьей шубе, выяснилось, что денщик водки не купил.

– Почему, скотина, ты не купил водки? – Спросил интендант багровея. – Я ж тебе ПРИКАЗАЛ!

– Я, мой генерал, не смог её купить по причине её отсутствия. – Четко отрапортовал денщик.

– Ты идиот? – Проорал Шубдц, надвигаясь на солдата.

– Никак нет, мой фюрер. – Денщик вжался в стену. – Водки нет во всем городе.

Одно ухо его распухло, и было в два раза больше другого. Глаза округлились от страха. Волосы стали дыбом. И денщик стал похож на большого, испуганного лемура, одетого в форму вермахта.

– А носки я ваши постирал. В спальне убрал. Гретхен выпроводил. Сказал, что вы ей позже позвоните. Она оставила свой телефон. Вот он.

И денщик испуганно положил на стол бумажку с номером девицы.

– Номер отдашь Вальтеру. Ну, ты его знаешь красномордый такой толстяк, вечно бывает у меня в пятницу, тот, что любит пить пиво, и руки вытирать о мою скатерть под столом, думая, что я это не вижу.

Денщик кивнул.

– Это тот самый, что набирает девиц для передвижных борделей для солдат вермахта? – Уточнил солдат.

– Тот самый. – Подтвердил Отто. – Пусть призовет её на военную службу. А то эта идиотка за меня, видишь ли,

замуж собралась. Утверждает, что я сделал ей предложение вчера.

– Мой фюрер, все будет в точности сделано, как вы приказали. – Денщик вытянулся по стойке смирно. – Однако, мой генерал, вы бы поаккуратнее с барышнями. В смысле не стоит каждую встречную и поперечную замуж звать, а то скоро бордели вермахта будут переполнены, а мы с вами останемся лишь в мужском обществе. И так в этом месяце уже тринадцать женщин по вашему приказу призваны в армию. А еще только середина ноября.

– А ты как всегда прав, мой друг. – Отто задумчиво почесал подбородок. – Но, честно, я ни фиги не помню, что было вчера. Помню лишь, что приснилось мне, что я в СССР. Иду голый зимой с медведем в обнимку, и пью водку. Было холодно, и я без перчаток, ну и потом, чтобы согреться надел на руки носки. Выпил водку. И согрелся...

И вот тут в голову интенданта вермахта пришла гениальная мысль...

Перчатки, которые нужны вермахту будут в нужном количестве лишь в марте в лучшем случае.

Солдаты вермахта мерзли.

Что делали русские, чтобы согреться зимой?

Согласно вещему сну интенданта, русские, чтобы согреться пили водку, и если не было перчаток и странных «варежек» надевали носки на руки.

Решение было найдено. Вместо перчаток и варежек Шуб-

дц закупил носки. Водки в нужном количестве также не оказалось в наличии.

Но один старый знакомый Отто, бывший еврей Зильберман, а сейчас тибетец Зильб, согласно состряпанных ему в свое время Шубдцем документам за очень ХОРОШИЕ деньги, подсказал выход из ситуации.

Этот тибетец владел несколькими виноградниками. Но поскольку шла война, и большинство мужчин были в армии, бизнес у винодела стоял. Вино брали мало.

И за хорошую взятку тибетец уговорил интенданта сделать военный заказ на красное вино, которого было у него в изобилии.

Так интендант Отто Шубдц закупил для вермахта вместо меховых перчаток и варежек красное вино и носки.

Но этим дело не ограничилось. Шубдц собственноручно написал инструкцию, КАК пользоваться носками, вместо перчаток и варежек.

И на фронт пошли носки и красное вино вместо перчаток и варежек.

Вот что позже написал об этом Ганс Бидерман в своей книге: «В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета»:

«Откуда-то ИЗ тыла до нас дошла инструкция о том, что при ночной температуре ниже нуля в качестве перчаток можно использовать армейские носки.

В ясно изложенной четким военным языком рекоменда-

ции говорилось, что солдатам на переднем крае надо прорезать в носке два отверстия ДЛЯ большого и указательного пальцев. Кто-то, вероятно, не знал, что наши сапоги вот-вот уже можно будет выбрасывать, а носки почти превратились в лохмотья, и в них было так много дыр, что нам было нетрудно найти отверстия для всех пяти пальцев»

Но Отто никогда не вдавался в детали. Приказ он выполнил, как смог.

И вечером того же дня он с ребятами по приглашению тибетца Зильба пошел к тому в гости на халявную выпивку и закуску.

По дороге ему приглянулась симпатичная белокурая бес-тия с «гросс обервайсе», которую он и захватил с собой в гости к тибетцу.

Ближе к утру, почти невменяемый Отто, сделал фрау Ольге предложение руки и сердца, и полез к ней в очередной попытке раздеть женщину.

Отчаянно отбивавшаяся Ольга до того момента, вдруг звонко взвизгнула. И впившись в интенданта страстным поцелуем, разрешила делать Отто все, что тому заблагорассудится...

Отто уснул, и ему снился огромный русский медведь в носках на всех четырех лапах, который играл на балалайке и пил красное вино тибетца Зильба.

Небольшое отступление

Написав несколько глав о вермахте, я столкнулся со странным отношением к произведению. Русские мне не верили, что то, что я пишу, возможно, в принципе. Они говорили, что я ошельмовываю вермахт.

Немцы были солидарны в этой оценке. Кроме того, немцы утверждали, что в вермахте был идеальный порядок, и там не могло быть ничего такого. Типа, бардак если и был, то лишь в Красной армии.

Поддержали меня лишь историки, знавшие суть вопроса.

Если немцев еще как-то можно понять. То на что обижаются русские мне не совсем ясно. От себя отмечу лишь, что это, прежде всего литературное произведение, а не историческое. Кроме того это юмор.

На все доводы «против», я приведу высказывания непосредственно участников событий.

«На нашем фронте ограниченная видимость ежедневно устанавливалась только на несколько часов. До 9 часов утра окрестности обычно бывали, окутаны густым туманом. Постепенно пробивалось солнце, и только к 11 часам дня можно было кое-что увидеть. В 15 часов наступали сумерки, а через час опять становилось темно. В районе Малоярославца у нас аэродром, куда изредка прибывали транспортные самолеты из Смоленска, Орши и Варшавы. Они достав-

ляли пополнения, но совершенно недостаточные для того, чтобы компенсировать ежедневные потери. Прибывавшие на самолетах солдаты были одеты в длинные брюки и ботинки со шнурками. Часто у них не было шинелей и одеял. Транспортные дивизии ожидали пополнения на аэродромах и сразу же перебрасывали их на фронт, где в них чувствовалась острейшая необходимость. Нередко они оказывались на фронте в ту же ночь. Таким образом, люди, всего два дня назад жившие в уютных казармах Варшавы, через 48 часов попадали на Московский фронт, который уже начал распадаться. Еще в конце лета, когда фельдмаршал фон Браухич понял, что война на Востоке продлится и зимой, он убеждал Гитлера вовремя приготовить для наших войск необходимое зимнее снаряжение. Гитлер отказался внять здравому совету, так как был твердо убежден, что русских удастся победить до наступления холодов. Теперь даже в ставке Гитлера вдруг поняли, что война в России, по сути дела, только начинается и что придется, как это ни ужасно, воевать почти без зимней одежды.

Гитлер начал отдавать категорические приказы о срочной отправке на Восточный фронт теплой одежды. В Германии повсеместно проводился сбор меховых и других теплых вещей. Но слишком поздно! Чтобы доставить войскам собранную одежду, нужны были не дни и даже не недели, а целые месяцы. Таким образом, солдатам суждено было провести свою первую зиму в России в тяжелых боях, располагая толь-

ко летним обмундированием, шинелями и одеялами. Все, что имелось в оккупированных районах России, – валенки, меховые шапки и шерстяное обмундирование, – было реквизировано, но оказалось каплей в море и почти не облегчило положения огромной массы наших солдат.

Со снабжением войск дела обстояли неважно.

К нашему району боевых действий подходило всего несколько железных дорог, да и их часто перерезали

партизаны. В паровых котлах паровозов, не приспособленных к условиям русского климата, замерзала вода. Каждый паровоз мог тащить только половину обычного количества вагонов. Многие из них, покрытые снегом и льдом, целыми днями простаивали в тупиках железнодорожных станций. Наша огромная потребность в артиллерийских снарядах удовлетворялась с трудом. В то же время, чтобы подбодрить солдат, из Франции и Германии доставлялись на Восточный фронт целые поезда с красным вином. Вы, конечно, представляете себе, какое отвратительное чувство возникало у солдат и офицеров, когда вместо снарядов, без которых войска буквально задыхались, им привозили вино. Впрочем, и вино нередко попадало на фронт в непригодном виде: при перевозке оно замерзало, бутылки лопались, и от него оставались только куски красного льда.

Наши оборонительные позиции были почти лишены укрытий. Это сказалось на тактике обеих сторон, которые вели упорные бои за овладение населенными

пунктами, где можно было найти хоть какое-нибудь укрытие от ужасного холода. Однако, в конце концов такая тактика приводила к тому, что обе стороны подвергали эти деревни артиллерийскому обстрелу и поджигали деревянные дома и дома с соломенными крышами, лишая противника элементарных удобств. Закапываться же в землю нечего было и пытаться, – земля затвердела, как железо.

Суровый климат оказывал воздействие и на оружие.

Смазка на оружии загустевала так, что часто невозможно было открыть затвор, а глицерина или специальных масел, которые можно было бы использовать в условиях низких температур, у нас не было.

Под танками ночью приходилось поддерживать слабый огонь, чтобы двигатели не замерзали и не выходили из строя. Нередко танки скользили по замерзшему грунту и скатывались под откос. Вероятно, это краткое описание помогло читателю составить представление об условиях, в которых зимой 1941/42 гг. немецкой армии приходилось вести боевые действия.

Русские находились в лучших условиях.

Самое главное, что сильный холод не был для них новинкой – они привыкли к нему.

Кроме того, сразу же позади них находилась Москва. Следовательно, линии снабжения короткими. Личный состав большинства русских частей обеспечен меховыми полушубками, телогрейками, валенками и меховыми шапка-

ми-ушанками. У русских были перчатки, и теплое нижнее белье. По железным дорогам у русских курсировали паровозы, сконструированные с учетом эксплуатации их в Сибири, при низких температурах»

Генерал Гюнтер Блюментрит, начальник штаба 4-й армии вермахта.

Ганс Ульрих Рудель, знаменитый пилот пикирующего бомбардировщика «Юнкерс-87», писал:

«Неожиданно сорокаградусный холод замораживает обычную смазку.

Наше бортовое оружие не может стрелять.

Говорят, что холод не оказывает на русских никакого воздействия, потому ЧТО они хорошо подготовились к зиме.

у нас постоянные проблемы с нужным оборудованием, его нехватка серьезно подрывает наши силы при таком холоде. Припасы почти не доходят до нас. Местные жители не могут припомнить такой суровой зимы за последние двадцать или тридцать лет. Битва с холодом тяжелее, чем битва с врагами. Советы не могли бы иметь более ценного союзника. Наши танкисты жалуется, что танковые башни не поворачиваются, все замерзло...

Немецкие армии побеждены холодом. Поезда практически не ходят, нет резервов и снабжения, раненых нельзя вывезти с поля боя. Одной железной решимости недостаточно. Мы достигли предела нашей способности воевать. Нет самого необходимого. Машины стоят, транспорт не работа-

ет, нет горючего и боеприпасов. Единственный вид транспорта – сани. Трагические сцены отступления случаются все чаще. У нас осталось совсем мало самолетов. При низких температурах двигатели живут недолго. Если раньше, владея инициативой, мы вылетали на поддержку наших наземных войск, то теперь мы сражаемся, чтобы сдержать наступающие советские войска...

Безжалостный холод продолжается, и наконец-то по воздуху прибывают необходимое оборудование и зимняя одежда. Каждый день на наш аэродром приземляются транспортные самолеты, которые доставляют меховую одежду, лыжи, сани и другие вещи. Но все это слишком поздно, чтобы захватить Москву, слишком поздно, чтобы вернуть наших товарищей, которые замерзли от холода, слишком поздно, чтобы спасти десятки тысяч солдат, которые отморозили пальцы на руках и ногах, слишком поздно, чтобы армия могла продолжать движение вперед. Она вынуждена окопаться и перейти к обороне под ударами невообразимо тяжелой зимы.

Сейчас мы летим над районами, которые помним по прошлому лету: в районе истока Волги к западу от Ржева, рядом с самим Ржевом, вдоль железнодорожной линии на Ленино и дальше к югу. Глубокий снег затрудняет движение наших войск, но Советы в своей стихии. Самый умный техник здесь тот, кто использует наиболее примитивные методы работы и передвижения.

Двигатели больше не заводятся, все заморожено насмерть, гидравлика вышла из строя, полагаться на любой технический инструмент означает самоубийство.

При этих температурах утром двигатели нельзя завести, хотя мы укрываем их соломенными матами и одеялами.

Механики часто проводят в поле всю ночь, разогревая двигатели каждые полчаса, чтобы их можно было завести, когда эскадрилье придется лететь.

Во время этих страшно холодных ночей часты случаи обморожения. Как офицер-инженер я провожу с техниками все свое время между полетами, чтобы не упустить шанс ввести в строй хотя бы еще один самолет.

Мы редко мерзнем в воздухе. В плохую погоду мы должны летать низко, и оборона сильна, все слишком заняты, чтобы замечать холод. Конечно, это не гарантирует нас от того, что, вернувшись в тепло, мы не обнаружим симптомы обморожения».

Немецкий историк Пауль Карель, писал: «Погода благоприятствовала русским. Во второй половине дня 27 ноября в течение всего каких-нибудь двух часов температура упала до 40 градусов ниже нуля, для борьбы с арктическим морозом солдаты и офицеры Мантойфеля располагали лишь балаклавами, легкими и короткими шинелями и узкими сапогами. Даже со слабым противником было бы невозможно сражаться в такой экипировке в сорокаградусный мороз.

Немцам пришлось заплатить дорогой ценой за неподготовленность войск к русской зиме. Дело заключалось не только в отсутствии меховых тулупов, валенок и тому подобного снаряжения, хуже того, германское Главное командование не знало или же не умело применять на практике методы ведения боевых действий в зимнее время. О том, что к продолжительной войне в России не готовились

– во всяком случае, немецкий генштаб, – лучше всего говорит полная неподготовленность вермахта к ведению боев зимой. После первых снегопадов финны, видевшие немецких солдат, обутых в сапоги, подбитые стальными гвоздиками, в удивлении качали головами и говорили: «Ваши сапоги – идеальные проводники холода, вы с таким же успехом могли бы ходить прямо в носках!»

А вот маршал Жуков:

«Солдаты и офицеры носили очень тесные сапоги. И конечно, у всех у них были обморожены ноги. Немцы не обратили внимания на тот факт, что с восемнадцатого столетия русские солдаты получали сапоги на один размер больше, чем нужно, что давало им возможность набивать их соломой, а в последнее время газетами, и благодаря этому избегать обморожений».

Вот что писал адъютант Паулюса Вильгельм Адам:

«16 ноября выпал первый снег. Ледяной ветер свистел в степи, проникая сквозь наши легкие шинели.

Фуражки и сапоги тоже плохо защищали от холода. Соб-

ственно говоря, пора было извлечь уроки из печального опыта зимы 1941/42 года.

Но и в середине ноября 6-я армия не имела соответствующего зимнего обмундирования. Паулюс его затребовал еще тогда, когда понял, что операции в городе не могут быть закончены до наступления холодов.

Генерал квартирмейстер сухопутных сил разделял мнение командующего нашей армией.

Гитлер, напротив, считал, что и для Восточного фронта хватит обычного зимнего обмундирования

(пригодного для службы в более теплом климате Западной Европы, но совершенно, как уже выяснилось, непригодного для русских морозов.), поскольку национал-социалистские благотворительные организации уже приступили к массовому сбору зимних вещей для солдат Восточного фронта и в этом приняли участие все немцы.

Действительно, население было готово пожертвовать всяческую одежду, способную защитить от холода и ледяного ветра.

В Германии такими вещами были заполнены огромные ящики. Однако когда нас под Сталинградом внезапно настигли холода, на фронт не поступило почти ничего из собранных вещей, и в тыловых складах их было немного. Обер-квартирмейстер армий пытался ускорить доставку обмундирования, но старания его почти ни к чему не привели: транспорта не хватало, а пространства, которые надо преодо-

леть, были огромны.

Из Миллерово, главной базы снабжения 6-й армии, поступило сообщение, что, когда открыли первые вагоны, заполненные зимними вещами, обнаружилась страшная картина.

Наряду с шерстяными и вязаными вещами в вагонах нашли сотни дамских шубок, муфты, каракулевые манто и другие меховые изделия, в том числе дорогие вещи, которые, однако, на фронте не имели никакой ценности. Видимо, никто не просматривал и не отбирал одежду, которая была сдадена населением, ее просто направили дальше.

Пусть, мол, армия думает, что с этим делать.

Шмидт неистовствовал, узнав об этой халатности.

Но он ничего не мог изменить. Виновные отсиживались в тылу, в тепле, за 2000 километров от Сталинграда.

Дивизионные интенданты получили приказ раздавать немногие пригодные зимние вещи только сражающимся частям.

Но ими можно было снабдить лишь примерно одного из пяти солдат, находившихся в окопах и землянках северного участка фронта без печей, без топлива, в глубине заснеженной степи, где бушевал обжигающий кожу, ледяной норд-ост.

Тем временем в штабе армии уже накапливались груды тревожных донесений.

Наши нервы были напряжены до крайности. Стало окончательно ясно, что в ближайшее время начнется советское

контрнаступление.

А если оно окажется успешным? Если XI армейский корпус и 3-я румынская армия не удержат своих позиций? Что будет тогда?»

Несколько слов в дополнение от себя. Писать, о том, какой вермахт хороший или плохой бессмысленно. Я и не собираюсь делать ни того, ни другого. Я не собираюсь писать и об ужасе войны. Они были, и были и со стороны немцев.

А. Фольтгеймер в письме своей жене жаловался:

«Здесь ад. Русские не хотят уходить из Москвы. Они начали наступать. Каждый час приносит страшные для нас вести... Умоляю тебя, перестань мне писать о шелке и резиновых ботиках, которые я обещал тебе привезти из Москвы. Пойми – я погибаю, я умру, я это чувствую ...»

Иоганнес Михел своей сестре от 22 февраля

1942 г. Писал: «Отступление не прошло для нас бесследно – кто отморозил ноги, кто нос, всякое было. Питание стало безобразно скудным. Нужно самому себе помогать, иначе плохо кончишь. Но вы обо мне не беспокойтесь, уж как-нибудь мы пробьемся...

Может быть, это скоро кончится, и мы вернемся здоровыми домой... Нам это все так надоело...»

Буфф писал родне 4 января 1942 года:

«Сегодня воскресенье. Снаружи тепло – 10 градусов, но сильный ветер. У нас больше половины попали в госпиталь с обморожением. В последние дни пришло много почты

от вас и посылки с драгоценным содержимым: рыбий жир, сок бузины, яблоки, шерстяная жилетка, теплая шапка, масло и многие другие вещи, а также поздравления от Вольдемара, Теклы и мамы. Я заранее радуюсь предстоящим прогулкам в этом теплом полярном одеянии. Тысяча благодарностей за все усилия, которые вы приложили. Теперь я особо не беспокоюсь, что переживу зиму. Если бы у всех моих товарищей была такая теплая одежда, то есть такие заботливые родственники! Но у многих никого нет, и Геббельс не напрасно призвал посылать на фронт теплые вещи».

Об ужасах войны писать лично я не буду. И до меня об этом немало написано. Лично меня всегда интересовало, как жили те brave парни, которые и создавали все эти проблемы, которые потом армия и расхлебывала.

Считаю, что моему главному герою русские люди должны просто поставить памятник. Памятник разьебайству в немецкой армии.

Про это и сейчас, и раньше как-то не было принято говорить.

Но то, что я пишу, основано на реальных событиях и исторических фактах, нравится это кому-то или нет.

Золотая курица

Отто Шудбц не был идиотом. О нем ходили разные слухи, большая часть из которых было правдой, тем не менее, поступки интенданта стали со временем легендой, и Отто этим гордился. Да, он был легендарным интендантом вермахта. И еще Отто был аристократом.

И вот эти две ипостаси и заставляли его находить творческий подход во всем, что он делал на службе.

А делал он много. Иногда, даже чересчур много. Впрочем,

вероятно, именно так и должны были поступать настоящие немцы для достижения победы над русскими. По крайней мере, именно так считал Отто.

Шел, однако, одна тысяча девятьсот сорок второй год. Стоял на дворе декабрь месяц. И это накладывало на Шудбца немалые обязательства. Вермахт топтался на месте, и нес большие потери. Армия замерзала на просторах громадного СССР, и в странном городе по имени Сталинград. В СССР наступила почему-то очень-очень холодная зима. И что самое поразительное – вермахт не был к этому готов. В смысле к зиме. И одета была армия в летнюю форму. Зимняя компания 1941—1942 года ничему не научила немцев, и зимней одеждой для солдат и офицеров вермахт не запасся. Кто-то очень важный забыл напрочь об этом аспекте.

Почему-то в СССР было очень холодно. Зверски. Генералы, изучавшие опыт Наполеона не учли главные причины поражения Бонапарта – отсутствие зимнего обмундирования и русские холода. Фюрер сказал: «До холодов мы СССР победим!». Шудбц недоумевал: фюрер вообще карту СССР видел? А с историей Наполеона знаком? И почему в армии нет зимней формы одежды для войны с СССР, если к войне готовились?

Кроме того 6 армия, бывшая в окружении отчаянно голодала. Съели лошадей, съели все, что было вообще съестного. Ходили слухи, что армия Паулюса ела даже солдатские ботинки и сапоги, которые были не из эрзаца, а из настоящей

кожи.

При всем при том, что ОДНОГО провианта для 6 армии ежедневно требовалось 400 тонн, как было известно, авиация максимум, что могла это поставляла 155 тонн груза в день. А это был общий тоннаж. То есть там было все что угодно: патроны, снаряды, оружие, ГСМ и прочая хрень.

Люфтваффе делала все, что могла. Но иногда вместо 400 тон еды в день поставляла лишь 15 тонн общего груза. И еще авиация несла ОЧЕНЬ большие потери. Отто считал, что скоро от ВВС останется лишь один военно-морской змей и один военно-морской воздушный шар.

Шестая армия матюгалась, проклинала Гитлера, Геринга, интендантов, говоря, что эти schweinehunde поплатятся рано или поздно, но, согласно приказа фюрера, не прорывалась из окружения и стояла насмерть. Для того чтобы понять общее состояние армии Паулюса достаточно поесть один раз в солдатской столовой.

Отто Шудбц был служака кость от кости. И не он руководил Германией. Он был в вермахте proviantmeister, то есть, переводя на русский – начальник продовольственного снабжения в чине капитана. Однако, в случае приказа, Отто мог найти для рейха что угодно. Хоть черта лысого.

И этим он очень гордился. Шудбц жил в родовом поместье некоторое время один и службой себя не утомлял. Жену он не так давно выгнал из дома за то, что она не следила за аквариумом. Поэтому баб вокруг Отто было много.

«От работы кони дохнут» – справедливо считал Отто, и был ох как прав.

С началом войны с русскими начальство спускало ему директивы, и он эти директивы выполнял. И считал, что в этом и состоит его долг перед Германией и перед рейхом. Последняя директива предписывала срочно поставить вермахту лыжи, крайне необходимые для ведения боевых действий в условиях холодной русской зимы.

Лыжи так лыжи. Отто особо над приказами не рассуждал. Он их выполнял. С рвением и педантичностью.

Директива предписывала, чтобы лыжи были белыми и деревянными.

Отто слонялся, как проклятый, по всей Германии, скупал лыжи, заключал договора на поставки. Посадил роту евреев красить лыжи в белый цвет. Однако все равно нужного количества лыж не хватало. Он умудрился достать лишь 5% лыж от нужного количества.

Это была капля в море.

Через подставные конторы и фирмы Шубдц договорился о поставках лыж из Швейцарии, стран Балтии, Скандинавии, САСШ и Канады.

Но, всё равно с учетом поставок, которые в полном объеме обещали прибыть в Германию лишь к концу марта, получалось лишь 32% лыж от нужного количества.

Кому нужны лыжи в конце марта, интенданта мало интересовало. У него был приказ. И он должен был выполнить

приказ любой ценой.

– Почему в штабе отдали приказ о поставке лыж в армию в декабре, а не в июне, когда можно спокойно было подготовиться? – Шубдц задал своему начальству вопрос в лоб и без обиняков.

Генерал Фогель, старый служака, участвовавший еще в Первой мировой войне, снял пенсне. Его благородный лоб с залысинами блестел от пота. Пожевал беззвучно челюстями. И просто ответил:

– Фюрер мне так ответил на этот вопрос: " Я, мол, как главнокомандующий, приказал взять Москву к 1 августа, а эти разьебаи, генералы, ни хуя приказ не выполнили. Наступила зима, и в СССР почему-то выпало очень много снега. И потому вермахту нужны лыжи».

– Просто охуеть, мой генерал! – Выдохнул Шубдц, – Так вот значит в чем дело!

– Да, мой мальчик. Это саботаж армии приказов фюрера. Всё дело в этом.

Фогель давно знал Шубдца. С самого рождения Отто. Генерал был дружен с родителями интенданта. И потому вполне мог называть его покровительственно «мой мальчик».

– А помнишь, мой мальчик, как я тебе в Баден-Бадене в фонтане твою жопку мыл?

Шубдца передернуло от воспоминаний.

Дело было давно. Отто был еще дитя. Родители считали, что ребенку нужен свежий воздух и часто с ним гуляли.

Кроме того родители также считали, что ребенок должен быть здоровым, и иметь хорошее пищеварение. Поэтому в этот день они обильно накормили малыша Отто гороховым пюре.

А поскольку отец Отто, старый солдат, во время войны недоедал в окопах, то он заставил Отто съесть две порции горохового пюре.

И после этого все семейство выперлось на прогулку в парк. Фазер, хоть и был отставке, надел свой парадный мундир, мазер напялила вызывающее розовое платье с огромным декольте. На Отто надели коричневую рубашку, короткие шорты цвета хаки и тирольскую шляпу.

Через какое-то время четырёхлетнему отпрыску Шубдцев захотелось на горшок, о чем он и возвестил родителей:

– Папа, мама, хочу на горшок!

Но те были заняты великосветским разговором с полковником Фогелем и то ли не услышали сына, то ли сделали вид, что не слышат.

Однако их беседа стала громче. И Отто решил потерпеть, пока они не наговорятся и не обратят на него внимание.

Однако живот бурлил, как вулкан Везувий в день извержения, и что-то не то происходило с кишечником.

Рядом горшка не было. Ватерклозета тоже. Был парк, и вокруг ходили толпы нарядно одетых людей. Аристократ по рождению, Отто был воспитан так, что гадить он привык в строго определенном месте, и потому терпел муки пищева-

рения, как Сакко и Ванцетти на электрическом стуле. А между тем позывы кишечника малыша становились все отчетливее и нестерпимее.

А в кишечнике началась революция, и провозглашение Веймарской республики. Стрельба внутри Отто жутко усилилась, и пушечные взрывы в виде попердывания доносились из малыша как из пулемета.

И тут, как назло, к нему резко нагнулся полковник Фогель, схватил его на руки, поднес к своему страшному и усатому лицу. Затем бросил высоко вверх, и громко, со всей дури закричал:

– Уррра-а-а-а!

Малыш Отто жутко напугался. И... обгадился...

Дерьмо вылетало из Отто как из пулемета и в каком-то немыслимом количестве.

Нечего и говорить, и Фогель, и родители незадачливого отпрыска все были в дерьме «по самые уши».

Больше всего пострадала маменька. На её розовом шелке невольные испражнения сына были жутко заметны.

Конечно, прогулка была досрочно закончена, родители Отто были в шоке.

И лишь один полковник Фогель не растерялся, сгреб малыша под мышку, дотащил его до ближайшего фонтана, и там, на глазах изумленной публики, и помыл малыша, а заодно и почистил свой мундир.

– Вырастешь, – артиллеристом будешь! – Улыбаясь, успо-

коил мальчика полковник.

Вспоминать этот конфуз интендант не любил. Поэтому он быстренько свернул обсуждение ошибок фюрера и штаба, и ринулся исполнять приказ.

Накануне вечером Отто с ребятами пошел в ресторан попить шнапса. Ну и несколько перепил.

Это часто бывает, когда ты хочешь отдохнуть, а пиво уже не лезет. Но твои друзья добры, бодры, а в ресторане – богатый ассортимент крепких спиртных напитков.

Интендант помнил как он пил пиво, потом бренди, далее шел шнапс, потом коньяк, водка, и потом поле зрения заполняла огромная грудь блондинки с манящими глазами. Интенданта обильно вырвало на эту грудь...

Далее в памяти был провал...

Куда делась блондинка, Отто не помнил. По крайней мере, её в ресторане не было.

Неожиданно к Шубдцу подошел его старый друг еврей и бывший раввин Изя Шульман. Шульман был известен тем, что в тридцатые торговал билетами в рай. Для полноты картины он повесил в синагоге карту рая, и расценки на места. Торговля шла бойко. И Шульман на эти деньги сначала отреставрировал синагогу, а потом и свой дом заодно. Купил себе шикарную машину, и вообще здорово приподнялся.

Но тут к власти пришел Гитлер, и если бы не Отто Шубдц, сидеть бы бравому и находчивому раввину в концлагере.

Но Отто всегда отличался острым умом и сообразитель-

ностью. И он предложил еврею стать... тибетцем. Сделал документы, и Шульман стал тибетцем. По крайней мере, по документам.

Также когда в рейхе шел повальный призыв в армию мужчин всех возрастов, именно Шубдц рекрутировал Шульмана в армию. За очень ХОРОШУЮ взятку тибетец стал интендантом.

И сейчас дом тибетца украшали шедевры живописи и скульптуры из разных стран.

– Отто, дружище, что ты так не весел? Что головушку повесил? – Докопался тибетец Изя с дурацким вопросом.

– Лыжи. – Еле проговорил Шубдц.

После достаточно долгой процедуры вытрезвления, Шубдц поведал Изе свою проблему с лыжами.

– Понимаешь что обидно, у нас никогда столько лыж в Европе-то вообще не производилось, сколько мне поручено достать. Где я их возьму? Рожу что ли? – Жаловался Отто в конце своего разговора Изе. – Ну ладно бы еще дали мне месяца три-четыре, их бы просто и легко сделали. Так у нас в вермахте, как выпадет снег, так срочно нужны лыжи. А что они вообще нужны будут зимой, об этом, что, никто летом догадаться не мог?

– М-да... – Изя почесал свой лысый череп. – А скажи мне, друг, в приказе стояли какие-либо указания по поводу размера, фасона, марки лыж?

– Нет. Там четко сказано: цвет лыж должен быть белый,

и указано количество лыж.

– Ну и офигительно! – Изя со всей дури воткнул нож в поросенка, и с остервенением стал его резать.

– Шульман, ты ж еврей! А юде не едят свиной! – Удивился вслух Шубдц.

– Евреи не едят, а тибетцы жрут за милую душу. – И Шульман смачно откусил от поросенка ножки.

– Что офигительно? – Не понял Отто. – Мой поросенок?

– Нет, Отто, – сказал Изя, дожевывая ногу, и запивая красным вином. – Поросенок хорош, спору нет. Хорошо, то, что не стоит в твоём приказе, какие ИМЕННО должны быть лыжи.

– И что? – Не понял Шубдц.

– А то... – Многозначительно произнес Шульман, принимаясь за вторую ногу поросенка. – Считаю, что лыжи мы тебе нашли. Суть моей идеи проста, ты покупаешь ВСЕ лыжи, какие есть в наличии в Германии: детские, подростковые, для малышей. Кроме того, я сейчас позвоню одной своей знакомой тибетке Циле, которой ты тоже делал документы. Она работает в общегерманском фонде помощи неимущим и бедноте, мы ей дадим задание и она насобирает у населения херову тучу старых лыж. Все это ты красишь в белый цвет, и отправляешь на фронт. Всё. Приказ ты выполнил.

– Попроси Цилю, чтобы она с собой подружку взяла покрасивее. – И Шубдц выразительно двумя руками показал два больших шара в районе груди.

– Хорошо, будет сделано, друг.

И через какое-то время, Изя, Отто, и две девицы у них на коленях пили за фюрера и победу немецкого оружия.

Обсудив все детали поставок лыж вермахту, пары разошлись восвояси.

Отто, хоть и был пьян, без труда добился взаимности от сотрудницы фонда с умопомрачительной грудью, не забыв ей сделать предложение выйти за него замуж. И закувыркавшись вдоволь, как мартовский кот, спал без задних ног.

Снился интенданту странный сон.

Он умер, и попал в рай. То место, куда он попал в рай, подозрительно напоминало Ленинград. Отто был там несколько раз до войны.

Все вокруг ходили в кожаных куртках с красными повязками на рукавах. Говорили на русском языке, и никто не обращал на то, что Шубдц был в форме вермахта и говорил по-немецки.

Его все хлопали по плечу и называли: «tovaricsh».

Отто, впрочем, понимал во сне русский, как и все понимали его.

Каждый день они с другими товарищами пили пиво, водку, шнапс и другие спиртные напитки. Сообща делили женщин, которые все как одна были доступны, и не замужем. Женщины были красотки просто писанные: с большой выпирающей грудью, длинными кудрявыми волосами, и бесстыжими манящими глазами. А ноги у них росли от ушей.

Отто даже во сне понимал, что вот он именно такой рай, куда при жизни и стремился Шубдц.

В раю как-то постепенно, сама собой стала возникать оппозиция правящему режиму Бога.

Бог жил в своей Резиденции, очень похожей на Эрмитаж. И ни фига ничего не делал.

И это больше всего злило обитателей рая.

То тут, то там стали возникать подпольные кружки, недозволенные Богом. Стали известны фамилией руководителей этого подполья: Ленин, Сталин, Гитлер, Спартак и один старый еврей Мойша.

Через какое-то время в раю грянула революция, и Бога свергли.

Причем, что было характерно, Бога в его Резиденции не оказалось.

Мнения обывателей разделились поровну.

Первая половина считала, что Бога вообще нет.

Вторые утверждали, что Бог есть, но он, типа, против насилия, и потому предпочел скрыться, чтобы не затевать гражданской войны в раю.

Как бы там не было, после революции в раю развернулась нешуточная закулисная война за место и право называться Богом.

Были назначены выборы, на которых большинством голосов победил Мойша, который каждому пообещал все, что тот захочет без каких-либо ограничений.

Было выбрано новое правительство и кабинет министров в раю. Шубдцу досталось кресло министра снабжения...

Первый приказ от Бога Мойши был вывести кур особой породы, чтобы на них не было перьев. Обосновывалось это тем, что жена Мойши устала ощипывать курей бесчисленным гостям мужа, которые так и перли толпой в гости к мужу в Резиденцию...

Отто сильно замерз и проснулся от холода в своей спальне. Камин догорел, и было заметно холодно. Стоял на дворе декабрь месяц.

Проснулся Шубдц дома от холода и головной боли. Отто был почему-то голый. На руках интенданта были носки, на члене презерватив. И больше одежды никакой на Отто не наблюдалось.

Было жутко холодно. На дворе был декабрь, но камин в спальне не горел. Интендант лежал в обнимку с какой-то грудастой фрау, на которой из всей одежды был лишь форменный галстук Отто.

Голова болела после выпитого накануне. Отто разбудил денщика, и сказал:

– Что хочешь, делай, но чтобы через час у меня был ящик шнапса для меня лично, и ящик шампанского для фрау. Откуда она, кстати, взялась тут?

– Будет сделано, мой генерал! – Заорал солдат, после чего получил в ухо.

– Не ори, дурак, голова болит. – И Шубдц показал выра-

зительно рукой на голову.

– Тьфу, ты черт. – Произнес Отто, снимая с рук носки, и вспоминая свой сон. – Приснится же...

– Откуда тут эта женщина, я не знаю. – Подал голос солдат. – Я спал, когда вы пришли со службы. Но я думаю, что она пришла с вами, мой генерал.

И солдат выразительно показал на член, на котором еще висел презерватив.

– Молчать, скотина! – Заорал интендант. – Где мой халат? Почему по всей спальне раскиданы женская одежда и моя форма?

– Вероятно, это русские прислали диверсантов, и они и направили все это безобразие. – Быстро произнес денщик, как бы оправдываясь.

– Цыц, скотина! Быстро дать мне халат, носки постирать, все тут убрать, и спиртное купить! – Шубдц крайне не любил, когда ему говорили глупости, особенно, когда он был с бодуна. – Вы сначала совершите все те глупости, что совершил я, а потом будете меня им учить.

– Бегом! – Заорал Отто.

– Есть, мой фюрер! – Ответил денщик, и мухой метнулся исполнять приказания.

Когда Шубдц умылся, похмелился, чем было, оделся, позавтракал, и выпроводил ко всем чертям грудастую Сару в галстук, выяснилось, что денщик шнапса не купил.

– Почему, скотина, ты не купил шнапс? – Спросил интен-

дант багровея. – Я ж тебе ПРИКАЗАЛ!

– Я, мой генерал, не смог его купить по причине его отсутствия. – Четко отрапортовал денщик.

– Ты идиот? – Проорал Шубдц, надвигаясь на солдата.

– Никак нет, мой фюрер. – Денщик вжался в стену. – Шнапса нет во всем городе.

Одно ухо его распухло, и было в два раза больше другого. Глаза округлились от страха. Волосы стали дыбом. И денщик стал похож на большого, испуганного лемура, одетого в форму вермахта.

– А носки я ваши постирал. В спальне убрал. Сару выпроводил. Сказал, что вы ей позже позвоните. Она оставила свой телефон. Вот он.

И денщик испуганно положил на стол бумажку с номером девицы.

– Номер отдашь Вальтеру. Ну, ты его знаешь – красномордый такой толстяк, вечно бывает у меня в пятницу, тот, что любит пить пиво и руки вытирать о мою скатерть под столом, думая, что я этого не вижу.

Денщик кивнул.

– Это тот самый, что набирает девиц для передвижных борделей солдат вермахта? – Уточнил солдат.

– Тот самый. – Подтвердил Отто. – Пусть призовет её на военную службу. А то эта идиотка за меня, видишь ли, замуж собралась. Утверждает, что я сделал ей предложение вчера.

– Мой фюрер, все будет в точности сделано, как вы приказали. – Денщик вытянулся по стойке смирно. – Однако, мой генерал, вы бы поаккуратнее с барышнями. В смысле не стоит каждую встречную и поперечную замуж звать, а то скоро бордели вермахта будут переполнены, а мы с вами останемся лишь в мужском обществе. И так в этом месяце уже двадцать женщин по вашему приказу призваны в армию. А еще только середина декабря.

– А ты как всегда прав, мой друг. – Отто задумчиво почесал подбородок. – Но, честно, я ни фи́га не помню, что было вчера. Помню лишь, что приснилось мне, что я в раю. И что меня там сделали министром снабжения.

– Очень занятно, мой фюрер! – И левая бровь денщика слегка приподнялась, что означало у очень сдержанного на эмоции берлинца высшую степень изумления.

– Скажу более того, что мне новый Бог отдал приказ вывести кур новой породы, совершенно без перьев.

– Очень занятно, мой фюрер! – И левая бровь денщика приподнялась еще выше. – И чем же кончился ваш сон?

– Ничем. – Сокрушенно сказал Отто. – Я проснулся.

– Вы знаете, мой генерал, у моего знакомого есть одна такая курица. – И денщик внимательно посмотрел на интенданта, ожидая его реакции. – Я уж не знаю, в чем причина её появления, то ли бомбардировки, то ли стресс от бомбовых ударов, то ли плохая кормежка во время война. Но курица совершенно лысая, как колено. Без единого перышка. Прав-

да, у неё есть один недостаток – это петух.

В Голове у интенданта, что-то щелкнуло, мысль заработала со страшной силой, и у него родился очередной гениальный план, как осчастливить Третий Рейх.

Золотая курица – курица без перьев, мечта любой домохозяйки и всех поваров в рейхе. Такую курицу не нужно щипать, ощипывать и избавляться всячески от перьев. Это ускоряет процесс обработки и приготовления пищи.

В голове Шубдца трубы играли марши, ангелы ему пели дифирамбы.

В тот же день Отто с денщиком посетили владельца «золотой курицы», и в приказном порядке заставили отменно кормить пробный экземпляр новой породы. Холить его и следить за петушинным здоровьем.

В этот же день Шубдц создал несколько подставных фирм, которые якобы торговали курами. Директорами созданных предприятий Отто назначил своих приятелей, которые уже успели отдать богу душу на Восточном фронте.

Шубдц оторвал одного еврея от покраски лыж в белый цвет. Велел тому надеть цивильную одежду, и отправил в редакции газет дать объявления о том, что выведена новая порода кур – «Золотая курица».

В газетном объявлении называлась дата презентации новой породы, должна быть также лекция профессора о новой породе и демонстрация экспериментального образца «золотой курицы».

Затем Отто пришел на призывной пункт, выбрал рекрута, который, по мнению интенданта, был наиболее похож на профессора. Дав небольшую взятку за аренду рекрута на неделю, интендант вывел новобранца за ворота призывного пункта, усадил в машину и повез шить тому костюм профессора.

К презентации все было готово – профессор в идеальном профессорском костюме, большие и цветистые диаграммы, длинная заумная речь «профессора», подставные фирмы, готовые оформить сделки на поставки «золотых куриц» и счета в швейцарских банках, открытые на предъявителя. Ну и Изя Шульман на пару с Отто Шубдцем, как представители вермахта.

Презентация прошла на ура. После обильного фуршета с пивом, шнапсом, водкой, коньяком и шампанским, гостей ждала трехчасовая лекция профессора.

Во время лекции, фуршет, естественно, не прерывался. Не сказать, что Германия голодала, но продукты были все по талонам, и предвоенное изобилие давно уже испарилось. Потому гости ели и пили дармовое угощение много и жадно. И уже особо никто и не слушал, что там рассказывал профессор. Тем более, что «золотая курица» была тут же в клетке. И все смотрели с удивлением на это чудо научной мысли Великой Германии – курицу без перьев.

По окончании банкета было подписано много сделок на поставки «золотой курицы» как частным фирмам, ре-

сторанам, магазинам, так и вермахту. Большинство бизнесменов соглашались на предоплату, меньшинство на аванс и окончательную оплату после реализации. Была основана ферма по выращиванию новой породы. Акции этой фермы были распроданы по баснословным ценам.

Как бы там ни было, но на счета Шубдца в тот же день поступили большие деньги.

Стоит ли говорить, что через какое-то время подставные фирмы разорились, а директора этих фирм, все как один, оказались погибшими.

А петух, как назло, оказался гомосексуалистом, кур не топтал, а приставал с сексуальными домогательствами лишь к другим петухам.

Так попытка Шубдца осчастливить мир новой породой кур провалилась из-за одного проклятого пидораса-петуха.

Грела интенданта лишь мысль о тех деньгах, что так быстро и легко он заработал на поставке «золотых куриц».

7 ноября

Отто Шудбц не был идиотом. Он был интендантом вермахта. И еще Отто был аристократом.

И вот эти две ипостаси и заставляли его находить творческий подход во всем, что он делал на службе.

А делал он много. Иногда, даже чересчур много. Впрочем,

вероятно, именно так и должны были поступать настоящие немцы для достижения победы над противником. По крайней мере, именно так считал Отто.

Шел, однако, одна тысяча девятьсот сорок третий год. И это накладывало на Шудбца немалые обязательства.

Шудбц был служака кость от кости. Он был в вермахте proviantmeister, то есть, переводя на русский – начальник продовольственного снабжения в чине капитана.

И этим он очень гордился. Шудбц жил в родовом поместье некоторое время один, и службой себя не утомлял. Жену он не так давно выгнал из дома за то, что она не следила за аквариумом.

От работы кони дохнут – справедливо считал Отто и был ох как прав.

С началом войны с русскими начальство спускало ему директивы, и он эти директивы выполнял. И считал, что в этом и состоит его долг перед Германией и перед рейхом.

Накануне вечером Отто с ребятами пошел в пивной ресторан попить пивка. Ну и несколько перепил.

Это часто бывает, когда ты хочешь отдохнуть, а пиво уже не лезет. Но твои друзья добры, бодры, а в ресторане есть в ассортименте крепкие спиртные напитки.

Интендант помнил как он пил пиво, потом бренди, далее шел шнапс, потом коньяк, и потом поле зрения заполняла огромная грудь блондинки с манящими глазами.

Далее в памяти был провал.

Шубдц спал. И ему казалось, что он был влюблен.

И еще Отто сон снился про Ленина...

Странный такой сон.

Шубдц лежал с Лениным в шалаше. И спал. Просто лежал.

Не надо домысливать за Отто какие-то мотивы. Чего не было, того не было.

Стояла глубокая ночь. Почему Отто спал с Лениным, а не скажем с Бисмарком или на худой конец с Гитлером он не знал. Так исторически сложилось. Во сне.

Ну и кроме всего прочего это был все-таки сон, а сны, как правило, страдают некой нелогичностью.

Холодно в шалаше было зверски.

Ну, или Отто так казалось. Но как бы там не было, интендант зверски замерз, просто-таки околел в том шалаше.

Подушки как назло не было. А Шубдц, надо отметить, всегда спал, как жираф, на 3 подушках, причем, положение его тела было во сне почти вертикальным. А если положение тела принимало любое другое положение, то интенданту снились крайне странные сны.

Это Отто жутко мучало. И он даже 3 года ходил к психиатру, который его безуспешно лечил.

При этом психиатр себе сделал состояние на болезни Шубдца, и имя, написав труд о бессознательном.

Во сне Отто жутко замерз, и потому стащил с Ленина шинель, которая у них была одна на двоих, и завернулся в неё как гусеница в кокон.

Вождь пролетариата заругался матом во сне. Замахал руками, сильно жестикулируя, потом перевернулся на другой бок, и, свернувшись калачиком, как подзаборный пес Геринг, что жил у Отто при конюшне, уснул.

Костер около шалаша еле горел, потому как Ильич, будучи дневальным, спал, а не следил за огнем.

Отто во сне автоматически нащупал полено, и под голову полено положил, все как-то поудобней будет.

Укрылся еще раз шинелью, и захрапел.

Снился Отто пышный бюст вчерашней блондинки.

Бюст колыхался у Шубдца прямо перед носом, и как будто жил своей жизнью, совершенно не связанной с блондинкой...

И тут, как назло, среди ночи Ильич вытаскивает из-под головы интенданта полено и что-то бормочет.

Не понятно что. Отто совсем не знал русского языка.

И тут во сне Шубдц проснулся.

Нет, на самом деле он спал, и видел сон, что спит в шалаше с Лениным. И вот в этом сне интендант и проснулся. Хотя на самом деле спал в Германии и совсем не с Лениным, а с большегрудой блондинкой, которую накануне вечером подцепил в пивном ресторане.

«Где я?» – мелькнула мысль интенданта.

Он осмотрелся, и ничего не понял.

Какой-то шалаш. Ленин.

Темно. Холодно. И нет подушек. Бррр...

И Отто был спросонок. Жутко болела голова, и хотелось холодненького пивка.

Где-то в подсознании и в том сне, что видел Шубдц, когда спал в шалаше с вождем, маячила большая теплая женская грудь...

Ночь... Холодно.

Жутко темно. Подушек нет.

И Шубдц увидел совсем около себя какого-то плюгавенького мужичонка. Тот стоял с поленом в руках. Было темно и холодно. И Отто в своем сне совсем не узнал Ленина.

И что характерно профиль у того мужика с характерной такой козлиной бородой...

И на голове вроде бы рога...

«Черт!» – подумал интендант во сне.

Ну и жутко напугался спросонок.

Вскочил.

Выхватил у мужика полено, и...

хрясь ему по голове...

Голова пополам, как арбуз, возьми, да и тресни.

И тут костер чуть осветил разбитую голову Ленина.

«Пиздец!» – возникла мысль в голове Отто. – «Великой Октябрьской революции не будет!»

От этой жуткой мысли Шубдц проснулся, и открыл глаза.

Он лежал в своей спальне, и прямо перед его глазами была огромная женская грудь.

«Точно, небось, русская шпионка!» – подумал интен-

дант. – «Эти русские таких с большим бюстом женщин любят к нам забрасывать».

Отто оделся, умылся. Мимоходом глянул на календарь. Там значилось 7 ноября.

И Отто захотелось сделать что-то приятное русской разведчице.

Он позвал повара, и велел приготовить тому пельмени из медведя, и сварить чай.

Затем вызвал конюха, и приказал:

– Быстро поймать Геринга!

В помощь конюху отправил парикмахера. Цирюльнику же еще приказал постричь пса Геринга под Ленина:

– Смотри мне, чтобы был похож на Ильича, и имел бороду, как у козла.

Затем вызвал портного и дал ему заказ обмерить собаку, когда ту изловят, и сшить ей пиджак и штаны с красными лампасами.

– И чтобы быстро, иначе я тебя, скотину, отправлю на Восточный фронт!

Экономке было дано задание: купить маленький барабан для собаки и красный флаг.

– Флаг если не найдешь, то сошьешь сама!

И когда Геринг будет пойман и наряжен в костюм, присобачить к нему красный флаг и одеть барабан на шею.

После всех этих приготовлений Отто Шубдц лег спать. Уж очень ему хотелось досмотреть сон про Ленина.

Рыбий корм для вермахта

Отто Шудбц не был идиотом. Он был интендантом вермахта. И еще Отто был аристократом.

И вот эти две ипостаси и заставляли его находить творческий подход во всем, что он делал на службе.

А делал он много.

Шел, однако, одна тысяча девятьсот сорок третий год. И это накладывало на Шудбца немалые обязательства.

Шудбц был служака кость от кости. Он был в вермахте proviantmeister, то есть, переводя на русский – начальник продовольственного снабжения в чине капитана.

И этим он очень гордился. Шудбц жил в родовом поместье вместе с женой, и службой себя не утомлял.

От работы кони дохнут – справедливо считал Отто и был ох как прав.

С началом войны с русскими начальство спускало ему директивы, и он эти директивы выполнял. И считал, что в этом и состоит его долг перед Германией и перед рейхом.

Как-то он с друзьями в далеком сорок первом году долго засиделся в пивнушке...

Не сказать, что совсем долго, но в общей сложности Отто с собутыльниками провели там неделю. А хрен ли? Почему нет? Капитан он или хрен моржовый?

Когда Отто в пивной нашел его ординарец, Шудбц был пьян в стельку, лыка не вязал, а тихо лежал под столом, и пускал пузыри.

Пузыри пенились и составляли адскую смесь из мочи, пива и какой-то странной слизи белесого цвета.

Ординарец с трудом поднял Отто, и разбудил его. В себя интендант пришел где-то через час.

Вручив приказ, ординарец не дал Отто уснуть и напомнил ему о долге перед рейхом.

– Ладно, скотина, я прочту приказ. Так и быть. – Сказал Шудбц, выпивая кружку темного пива.

Интендант вскрыл конверт с приказом. Штабная печать на сургуче сразу полетела вниз, к пузырям.

– Твою мать... – выразил своё восхищение Отто. – Гитлер лично хочет, чтобы я послал нашим войскам в СССР спиртное.

– Он совсем охуел, этот фюрер, – подал голос пьяный Obermusikmeister, старший военный дирижёр Юргенс, друг Отто с детства.

– Юра, ты как говоришь о вожде нашем? Икккк... – Возмутился интендант. – Сейчас какая-нибудь скотина на тебя донесет в гестапо.

Но скотина по фамилии Biest, oberveterinaer обер-лейтенант (старший лейтенант) ветеринарной службы, мирно спал, положив голову на громадную грудь фрау Biest.

Грудь фрау была похожа на два гигантских арбуза, которые так и норовили вывалиться из декольте жены. Скотина Biest как раз и мешал этому, держа в каждой груди по молочной железе своей жены, умудряясь спать при этом мертвым сном.

Фрау Biest пришла в пивнушку за мужем дня три или четыре назад. Но бравая компания налила ей шампанского, подмешав туда втихаря шнапса, и заставив выпить большой пивной бокал этого пойла за здоровье фюрера.

Потом в ход пошло пиво, потом шнапс. А потом фрау Biest пошла с мужем в туалет, и долго оттуда не выходила.

А когда вернулась, то идти в том, что на ней было надето

на улицу, было верхом безумия.

Biest, конечно позвонил служанке, приказав принести в пивнушку новую одежду для фрау Biest.

Однако, когда служанка пришла с вещами, фрау Biest была stockbesoffen. И куда-либо идти категорически отказалась без мужа.

– Эй, скотина, ты спишь? – Участливо спросил Юргенс, трогая друга, и глядя его по голове.

Руки как-то сами собой легли на полушария жены друга, и стали путешествовать по этим большим холмам.

– Юра, хорош блядством заниматься. – Возмутился Отто. – Родина-мать зовет.

– Он совсем охуел, этот фюрер, армия же сопьется на хуй, если ей дать спиртное. – Произнес дирижер, не отрывая рук, впрочем, от груди жены друга.

– Однозначно сопьется. – Сказал интендант, ковыряя в носу вилкой. – Сопьется. Им же там делать не хуй на восточном фронте, как только шнапс пить.

– Ты прав, друг. – Ответил Юргенс, беря химический карандаш, и старательно пиша на груди фрау Biest: «Hitler ist Vock von eine Ziege».

– И наша задача не дать армии спиться. – Сделал вывод Отто. – Но приказы нужно выполнять.

Шудбц взял кружку светлого пива, смешал с темным, и с удовольствием выпил получившуюся смесь.

– Кельнер! Вина пять бутылок и двенадцать кружек пи-

ва! – заорал Юргенс.

– На хрена вино, Юр? – Удивился Отто.

– Ты, блядь, ни хуя не понимаешь, друг. Проведем эксперимент.

– Какой?

– Такой. Молча смотри. Только не мешай.

Пришел кельнер и принес вино. Юргенс взял пивную кружку, стоявшую на столе, вылил остатки пива на штаны ветеринара Biest. Штаны вроде стали маленько почище.

Бравый музыкант налил в кружку до верха вина.

– Встать! Смирно! – Неожиданно заорал Юргенс.

Отто и ординарец мгновенно вскочили. При этом интендант потерял равновесие, и рухнул под стол.

– Видишь, друг, что я тебе говорил про боеспособность армии. – Сказал Юргенс, помогая подняться интенданту.

– С этим надо что-то делать. – Сокрушенно сказал Шудбц.

– А то. – Согласился Юргенс, беря кружку с вином, и подходя к ординарцу.

– Пей! – Приказал дирижер.

– Слушаюсь! – Bravo проорал солдат. И тут же выпил кружку вина.

– Так... – Сказал Отто. – Ты мне на хуя подчиненных спаиваешь?

– А что так? Почему вот именно «ТАК»? Ты просто не понял сути всего эксперимента до конца. – Начал разъяснять Юргенс, жуя сосиску, и запивая её пивом.

– Чуть что, так сразу: «ТАК». Давай бороться с пьянством в вермахте. – Сказал Юргенс, поднимая кружку с пивом, которую кельнер только принес. – Давай же выпьем, друг.

И они выпили пива. Не забыв солдата. Потом еще вина. Потом коньяка, и потом шнапса. Заполировали все коньяком.

Причем пили всего по одной пивной кружке, в которую всего-то входило пол-литра. Они же не алкоголики.

Кружка пива.

Кружка вина.

Кружка коньяка.

Кружка шнапса.

И еще кружка коньяка.

Последнюю кружку коньяка ординарец осилить не смог, и упал, как озимые, под стол.

– Тааак... – Сказал Отто.

– Ну, вот именно, что так. – Произнес музыкант закусывая.

– Наш эксперимент показал, что меньше всего солдаты пьянеют от вина. Согласен?

– Однозначно... – Согласился интендант.

– Значит, Отто, чтобы армия не спилась, ей, армии нашей родной, нужно поставлять вино!

– На хуя армии вино, Юра? – Удивился Шудбц.

– Ты, бля, совсем, видно, долбоеб! У тебя ж приказ – поставить армии спиртное. Ты – солдат и твоя задача выпол-

нять приказы. Однако в ходе эксперимента мы выяснили, что меньше всего солдаты пьянеют именно от вина.

Музыкант взял вепрево колено, и смачно откусил большой кусок.

– На хуя армии вино, Юра? – Удивился Шудбц еще больше.

– Чубрик, чтобы армия не спилась! А то если армия сопьется... – И Дирижер выразительно показал на обер-лейтенанта Viest и ординарца. – Воевать они не смогут. Понял?

– Ага.

Так зимой сорок первого на восточном фронте зимой появилось несколько десятков эшелонов красного вина.

Как назло было зверски холодно. Морозы ночью были до минус сорока с лихуем. Лихуй временами был тоже большой.

И вермахт получил красное вино в виде разбитых бутылок и комков из мороженного красного вина.

Представляю, как радовались солдаты.

«Но, по крайней мере, армия не спилась!» – Успокаивал себя Шудбц.

Как истинный ариец, Отто был семьянином.

В сорок третьем с Отто случилась вообще пренеприятнейшая история. Как-то раз неожиданно вернувшись после своей очередной командировки домой, он застал дома жену в чем мать родила, и еще полный дом голого пьяного офицера.

Жену он тогда выгнал. Не за то, что она ему изменила. Подумаешь – делов-то. Он и сам ей частенько изменял, как только предоставлялось возможность.

А возможность предоставлялась каждый день.

Утром и в обед с секретаршей.

После работы с белокурой милашкой Гердой из соседнего отдела.

Ну, иногда он захаживал еще по трем десяткам адресов. Тут у Отто был строгий немецкий порядок.

Фюрер сказал, что рейху нужны новые солдаты, и Отто как мог поднимал рождаемость рейха. Тут ему не было равных. В деле поднятия.

Рождаемости.

«Наш фюрер такой затейник!» – думал Отто, и ходил к одиноким фрау строго по очереди. Чтобы никого не обидеть.

А выгнал жену Шудбц за то, что в его большом, океаническом аквариуме с рыбками, плавали бычки, использованные презервативы, чьи-то вонючие носки и какой-то мертвый идиот в форме Stabsarzt – капитана медицинской службы без штанов и с презервативом на члене.

Отто бы многое простил, но мертвый Stabsarzt с презервативом в аквариуме...

Это было чересчур.

И Шудбц жену выгнал.

Детей у него не было.

И так случилось, что единственными близкими существами для Шудбца оказались его любимые аквариумные рыбки.

– Бедные мои! – Часто говаривал Отто, кормя рыб. – На-терпелись вы с этой стервой. Но ничего, война пройдет, я вам воду поменяю, и куплю нового корма...

И тут рука бравого интенданта застыла в воздухе.

– Бля... Еб твою мать. – Удивился бравый солдат. – Как же я забыл?

И он срочно позвонил в Генштаб, выяснить – были ли в этом году поставки в Сталинград корма для рыб.

Трубку на том конце долго не брали...

– Алло. – Услышал Отто голос из генштаба.

Интендант, как положено, представился, и осведомился, с кем сейчас он разговаривает.

– Fischen Hauptstabsveterinaer! – Ответили ему. – Что вы хотели, интендант?

– Да я вот хотел узнать были ли в этом месяце поставки в Сталинград рыбьего корма? – Задал свой вопрос Шудбц.

– Насколько мне известно, нет. – Ответил Fischen Hauptstabsveterinaer. – И это большая недоработка с вашей стороны, капитан!

– Так точно, господин генерал! Разрешите исправить?

– Валяйте! – Смиловивился генерал, сам большой любитель аквариумных рыб.

– Однако нам нужно посчитать, какое количество рыбьего корма необходимо для армии Паулюса, находящейся в окру-

жении у русских, пока их аквариумные рыбы не сдохли от голода.

– Да хрен там считать. Все просто, – сказал генерал, что-то громко отхлебывая около телефонной трубки. – На одну рыбу нужно 10 граммов в месяц корма. Будем считать, что у каждого солдата вермахта имеется по три маленьких рыбки, а у офицеров по пять больших. Узнайте у статистиков количественный состав офицеров, и личного состава, и посчитайте сколько нужно корма для рыб. И быстро шлите рыбий корм в Сталинград, твою мать. Иначе несчастные рыбки сдохнут все на хуй от голода.

Fischen Hauptstabsveterinaer положил трубку, и продиктовал секретарше приказ о поставке рыбьего корма для армии Паулюса.

И proviantmeister Шудбц, начальник продовольственного снабжения в чине капитана приказ доблестно выполнил.

Так корм для рыб и попал армию Паулюса, в которой не было ни одной аквариумной рыбы.

Не до рыб было солдатам вермахта. Им бы пожрать чего...

Но Шудбц этого не знал. Как не знали этого и в Генштабе вермахта.

За эту доблестно проведенную операцию proviantmeister Шудбца, начальника продовольственного снабжения в чине капитана, представили к железному кресту и к внеочередному повышению звания.

А в голове у Отто было еще столько идей...

Столько идей!

Презервативы для армии Паулюса

Отто Шудбц не был идиотом. Он был интендантом вермахта. И еще Отто был аристократом.

И вот эти две ипостаси и заставляли его находить творческий подход во всем, что он делал на службе.

А делал он много. Иногда, даже чересчур много. Впрочем, вероятно, именно так и должны были поступать настоящие немцы для достижения победы над противником. По крайней мере, именно так считал Отто.

Шел, однако, одна тысяча девятьсот сорок третий год. И это накладывало на Шудбца немалые обязательства.

Шудбц был служака кость от кости. Он был в вермахте proviantmeister, то есть, переводя на русский – начальник продовольственного снабжения в чине капитана.

И этим он очень гордился. Шудбц жил в родовом поместье некоторое время один, и службой себя не утомлял. Желу он не так давно выгнал из дома за то, что она не следила за аквариумом.

«От работы кони дохнут» – справедливо считал Отто и был ох как прав.

С началом войны с русскими начальство спускало ему директивы, и он эти директивы выполнял. И считал, что в этом и состоит его долг перед Германией и перед рейхом.

Как-то раз Шудбц пошел с ребятами в кабак. Ну, они как

водятся у немцев, немного выпили. Потом выпили еще.

А потом оказалось, что идти на службу уже незачем. Наступила суббота. Война не волк, в лес не убежит. И ребята стали пить.

Пили они немного. Но через пятнадцать часов активного приема алкоголя пятеро из семерых были на столе, под столом, причем, в совершенно невменяемом состоянии.

И тут пришел ординарец.

Не сказать, что он сам пришел. Всё-таки была уже суббота. Точнее будет сказать, что его привели.

Но стоял ординарец сам. На двух ногах. Правда, шатался солдат, как клен в пургу, из стороны в сторону. А справа и слева от него стояли два бравых рядовых из конвоя, что охраняли склады. Конвоиры и помогли ординарцу дойти до начальства. Именно эти brave ребята и не давали ординарцу упасть.

Он качался то вправо, то влево, но не падал.

Когда Отто в ресторане нашел его ординарец, Шудбц был пьян в стельку, лыка не вязал, а тихо лежал под столом, и пускал пузыри.

Пузыри пенились и составляли адскую смесь из мочи, шнапса, коньяка и какой-то странной слизи белесого цвета.

Ординарец с трудом поднял Отто, и разбудил его. В себя интендант пришел где-то через час.

Вручив приказ, ординарец не дал Отто уснуть и напомнил ему о долге перед рейхом.

– Ладно, скотина, я прочту приказ. Так и быть. – Сказал Шудбц, выпивая стакан шнапса.

Интендант вскрыл конверт с приказом. Штабная печать на сургуче сразу полетела вниз, к пузырям.

– Твою мать... – Выразил своё восхищение Отто. – Гитлер лично хочет, чтобы я послал нашим войскам в СССР подарки на Новый год от его имени.

– Он совсем охуел, этот фюрер, – подал голос пьяный Obermusikmeister, старший военный дирижёр Юргенс, друг Отто с детства, – На хуя армии подарки? Да еще на новый год? Они что – дети малые?

– Юра, ты как говоришь о вожде нашем? Икккк... – Возмутился интендант. – Сейчас какая-нибудь скотина на тебя донесет в гестапо.

Но скотина по фамилии Biest, oberveterinar мирно спал, положи голову на громадную грудь фрау Эльзы. Эльза была любовницей Biest.

Грудь фрау Эльзы была похожа на два гигантских арбуза, которые так и норовили вывалиться из декольте. Скотина Biest как раз и мешал этому, держа в каждой груди по молочной железе своей любовницы, умудряясь спать при этом мертвым сном.

Фрау Эльза пришла в пивнушку за Biest часов двенадцать назад с целью увести его к себе, и там его трахнуть. Но бравая компания налила ей шампанского, подмешав туда втихоря шнапса, и заставив выпить большой пивной бокал этого

пойла за здоровье фюрера.

Потом в ход пошло пиво, потом шнапс. А потом фрау Эльза пошла с любовником в туалет, и долго оттуда не выходила.

А когда вернулась, то идти в том, что на ней было надето на улицу, было верхом безумия.

Biest, конечно позвонил служанке Эльзы, приказав принести в ресторан новую одежду для его фрау.

Однако когда служанка пришла с вещами, фрау Эльза была stockbesoffen. И куда-либо идти категорически отказалась без своего мужчины.

– Эй, скотина, ты спишь? – Участливо спросил Юргенс, трогая друга, и глядя его по голове.

Руки как-то сами собой легли на полушария любовницы друга, и стали путешествовать по этим большим холмам.

– Юра, хорош блядством заниматься. – Возмутился Отто. – Родина-мать зовет.

– Он совсем охуел, этот фюрер, ну какие на хуй подарки? Что конкретно хочет фюрер, чтобы ты послал на фронт, он сказал? – Произнес дирижер, не отрывая рук, впрочем, от груди любовницы друга.

– Нет. Не сказал – Сказал интендант, ковыряя в носу вилкой. – Более того, ума не приложу, какой подарок наиболее нужнее для солдат нашей родной армии. Им же там делать не хуй на восточном фронте, как только подарки получать.

– Ты прав, друг. – Ответил Юргенс, беря химический карандаш, и старательно пиша на груди фрау Эльзы: «Hitler ist

Вокк von eine Ziege».

– И наша первоочередная задача: – узнать, какие именно подарки наиболее нужны для армии сейчас. – Сделал вывод Отто. – Но приказы нужно выполнять. И выполнять правильно. И наиболее продуктивно.

– Это ты правильно сказал. – Поддержал интенданта Юргенс. – Иначе армия наша не будет боеспособна.

Шудбц взял кружку светлого пива, смешал с темным, и с удовольствием выпил получившуюся смесь.

– Кельнер! Вина пять бутылок и двенадцать кружек пива! – заорал Юргенс.

– На хрена вино, Юр? – Удивился Отто.

– Ты, блядь, ни хуя не понимаешь, друг. Проведем эксперимент.

– Какой?

– Такой. Молча смотри. Только не мешай.

Пришел кельнер и принес вино. Юргенс взял пивную кружку, стоявшую на столе, вылил остатки пива на штаны ветеринара Biest. Штаны вроде стали маленько почище.

Бравый музыкант налил в кружку до верха вина.

– Встать! Смирно! – Неожиданно заорал Юргенс.

Отто и ординарец мгновенно вскочили. При этом интендант потерял равновесие, и рухнул под стол.

– Видишь, друг, что я тебе говорил про боеспособность армии. – Сказал Юргенс, помогая подняться интенданту.

– С этим надо что-то делать. – Сокрушенно сказал Шудбц.

– А то. – Согласился Юргенс, беря кружку с вином, и подходя к ординарцу.

– Пей! – Приказал дирижер.

– Слушаюсь! – Браво проорал солдат. И тут же выпил кружку вина.

– Так... – Сказал Отто. – Ты мне на хуя подчиненных спаиваешь?

– А что так? Почему вот именно «ТАК»? Ты просто не понял сути всего эксперимента до конца. – Начал разъяснять Юргенс, жуя сосиску, и запивая её пивом.

– Чуть что, так сразу: «ТАК». Проведем простой эксперимент. Цель, которого выяснить, что больше всего нужно солдату. – Сказал Юргенс, поднимая кружку с пивом, которую кельнер только принес. – Давай же выпьем, друг.

И они выпили пива. Не забыв солдата. Потом еще вина. Потом коньяка, и потом шнапса. Заполировали все коньяком.

Причем пили всего по одной пивной кружке, в которую всего-то входило пол-литра. Они же не алкоголики.

Кружка пива.

Кружка вина.

Кружка коньяка.

Кружка шнапса.

И еще кружка коньяка.

Последнюю кружку коньяка ординарец осилить не смог, и упал, как озимые, под стол.

– Тааак... – Сказал Отто.

– Ну, вот именно, что так. – Произнес музыкант закусы-
вая.

– А теперь буди своего солдата.

Солдат ни за какие коврижки не хотел будиться. Он про-
сто спал богатырским сном, и временами делал руками ка-
кие-то странные движения руками, как будто доил корову.

– Спит. – Сказал Шудбц.

– Ага. – Согласился Юргенс.

– Но нам именно этого и надо. Ибо, как правильно гово-
рят у нас: в армии солдат спит, – война идет. – Сказал музы-
кант. – А как проснется, так мы сразу и узнаем – чего хочет
наша армия. Первые три вещи, которые использует твой ор-
динарец, как только проснется, мы и пошлем шестой армии
Паулюса, снабжением который ты и занимаешься. Это будет
подарок на Новый год им лично от Гитлера.

– Гениально! – Заорал Отто, и в восторге с размаха ударил
ординарца в пах ногой.

Солдат перестал двигать руками и затих.

– Уснул видать. – Сделал вывод Юргенс.

– Ну, тогда давай ждать, когда он проснется.

И бравые офицеры стали ждать. А чтобы не проспять
и не пропустить этот самый момент пробуждения, они при-
казали солдатам, что привели ординарца следить за ним,
и тщательно записывать все, что он будет делать. Потом
ознакомить proviantmeister Шудбца с результатами экспери-

мента, необходимого, чтобы выполнить приказ фюрера.

Через три дня ординарец проснулся. Пошел первым делом в туалет. Пардон, покакал. Потом выпил пива.

И...

Пошел к бабам. Наплевав на службу, приказ фюрера и лично proviantmeister Шудбца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.